

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории

А. Д. Пантелеев

РЕЛИГИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ХРЕСТОМАТИЯ

Учебно-методическое пособие

Санкт-Петербург
2021

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.и.н., профессор О.В. Кулишова (СПбГУ)

к.и.н. М.В. Поникаровская (СПбФ АРАН)

Пантелеев А. Д. Религии Римской империи. Хрестоматия. Учебно-методическое пособие. СПб., 2021. — 88 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению подготовки «История» для получения степени бакалавра. Это пособие может быть использовано также и в процессе изучения разных учебных дисциплин по античной истории и культуре, читаемых в рамках иных образовательных программ.

Введение

Многообразные религии античного мира всегда были феноменом истории, характеризующимся видимой ясностью и доступностью для восприятия другими эпохами и культурами, но вместе с тем их более глубокое понимание и объяснение всегда сопровождалось решением бесконечных загадок и тайн. Мы надеемся, что предлагаемая «Хрестоматия» внесет посильный вклад в изучение феномена античной религиозности.

Религия играла важнейшую роль в духовной жизни Древней Греции и Рима, обеспечивая единство всей античной культуры. Это принципиальное значение понималось уже самими древними, и когда христианство вышло из палестинского гетто на Средиземноморскую арену, то перед идеологами нового движения встал вопрос об отношении к античной культуре — возможно ли для настоящего христианина пользоваться ее достижениями, и не потерпит ли он какого-нибудь урона оттого, что все в ней проникнуто «идолопоклонством»? Такие авторы, как Тертуллиан или Татиан, утверждали, что необходимо отказаться от всей суетной языческой мудрости, но в конечном итоге верх одержала иная точка зрения. Труды Юстина, Климента Александрийского и Оригена обеспечили восприятие адептами новой веры лучших достижений языческой древности, а вместе с ними в христианство вошли и многие понятия и обычаи, берущие начало в античной религиозной практике. Точно так же и для критиков христианства, философа Порфирия и императора Юлиана классическая культура — это единое целое, и невозможно, признавая поэзию Гомера, не верить в то, что он говорит о богах, или пользоваться философией Платона и одновременно отказаться от представления о предсуществовании души и метемпсихозе.

Изучение античной религии и раннего христианства в нашей стране имеет давнюю историю. Уже основоположники Петербургской исторической школы — ее патриарх Ф. Ф. Соколов, а затем его ученики В. В. Латышев, Н. И. Новосадский, С. А. Жебелев и И. И. Толстой — уделяли значительное внимание вопросам религиозного развития античного мира. Безусловно, особый интерес в этой связи представляют труды выдающегося историка культуры Ф. Ф. Зелинского, который сделал религию основным полем своих занятий. Его работы по древнегреческой и эллинистической религии и концепция «психологической подготовки» христианства эллинизмом внесли существенный вклад не только в отечественную, но и в мировую науку. Кроме того, активно развивалась церковно-историческая наука, представленная именами выдающихся ученых: А. А. Спасского, А. П. Лебедева,

В. В. Болотова, М. Э. Поснова и др. В советский период изучение этой области особо не поощрялось, но и тогда появляются исследования С. А. Желбелева и С. Я. Лурье, посвященные античной религии. Истории христианства повезло меньше. Борьба с Церковью новой власти в первые десятилетия ее существования привела к сильнейшей идеологизации этой области исторической науки. В дальнейшем давление постепенно начинает ослабевать, и появляются замечательные исследования А. Б. Рановича, С. И. Ковалева, И. С. Свенцицкой.

Настоящее пособие предназначено в равной степени как для самостоятельной работы студентов, так и для семинарских занятий. В ходе работы с «Хрестоматией» у обучающегося должны выработаться и закрепиться навыки самостоятельной работы с источниками и основы критического анализа традиции, без которых невозможно овладеть самой профессией историка. Предлагаемые материалы как нельзя лучше подходят для этого: почти все раннехристианские сочинения в той или иной степени полемичны, и определение позиции автора и его противников, оценка его объективности и используемых источников — необходимая работа при изучении этих текстов.

При составлении «Хрестоматии» использовались уже существующие переводы текстов на русский язык; имена переводчиков указаны в заголовках. Иногда нам приходилось для удобочитаемости редактировать переводы, выполненные в XIX в.; эти случаи отдельно не оговариваются. Тексты снабжены необходимыми комментариями; более подробную информацию можно получить, обратившись к справочникам, изданиям текстов и исследованиям, указанным в списке используемой литературы или интернету. Предлагаемый список далеко не исчерпывающий, он отражает лишь основные работы, доступные на русском языке. Ссылки «Ранович» и «Штаерман», встречающиеся в заголовках, означают то, что данный текст — как правило, папирус или надпись — взяты из «Первоисточников по истории раннего христианства», подготовленных А. Б. Рановичем (1 изд. — М., 1935; 2-е, под ред. И. С. Свенцицкой — М., 1990) и «Избранных латинских надписей по социально-экономической истории Римской империи», переведенных Е. М. Штаерман под редакцией Ф. А. Петровского (ВДИ 1955, №2 и слл.).

«Хрестоматия» создавалась как пособие для занятий по истории раннего христианства, но может использоваться и при изучении других предметов, связанных с античностью, ранним средневековьем, истории культуры и религии.

Культ императора

Светоний. Божественный Юлий, 88

Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричен к богам, не только словами указов, но и убеждением толпы. Во всяком случае, когда во время игр, которые впервые в честь его обожествления давал его наследник Август, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, появляясь около одиннадцатого часа, то все поверили, что это душа Цезаря, вознесенного на небо. Вот почему изображается он со звездой над головой. В курии, где он был убит, постановлено было застроить вход, а иды марта именовать днем отцеубийственным и никогда в этот день не созывать сенат.

Светоний. Божественный Август, 7

Впоследствии же он принял имя Гая Цезаря и прозвище Августа — первое по завещанию внучатного дяди, второе по предложению Мунация Планка. Другие предлагали ему тогда имя Ромула, как второму основателю Рима, но было решено, что лучше ему именоваться Августом: это было имя не только новое, но и более возвышенное, ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд освящения, называются «августейшими» (*augusta*) — то ли от слова «увеличение» (*auctus*), то ли от полета или кормления птиц (*avium gestus gustusve*); это показывает и стих Энния:

По августейшем гаданье основан был Рим знаменитый.

Веллей Патеркул, II, 107

Не могу удержаться, чтобы к рассказу о великих деяниях не добавить один эпизод, каким бы малозначительным он ни был. Когда мы поставили лагерь по одну сторону реки, о которой я упомянул, а противоположная сверкала оружием вражеских воинов, обратившихся в бегство при одном движении наших кораблей и от страха, который они вызывали, один из варваров, человек преклонного возраста, рослый и, как показывало его одеяние, занимающий высокое положение, сел в челн из полого дерева, что было обычным средством для плавания у этих людей; в одиночку правя этой лодочкой, он достиг середины реки и попросил разрешения выйти на занятый нами берег, чтобы увидеть Цезаря (Тиберия — А.П.). Ему была дана такая возможность. Тогда, пригнав лодку и в долгом молчании созерцая Цезаря, он сказал: «Наша молодежь безумна, если она чтит вас как божество в ваше отсутствие, а теперь, когда вы здесь, страшится вашего оружия вместо того, чтобы отдаться под вашу власть. Я же по твоему милостивому позволению, о Цезарь, сейчас вижу богов, о которых ранее слышал, и за всю свою жизнь не желал и не имел более счастливого дня». Добившись разрешения прикоснуться к руке, он, постоянно оглядываясь на Цезаря, добрался до своего берега.

Светоний. Калигула, 22

(2) Однако его убедили, что он возвысился превыше и принцепсов и царей. Тогда он начал притязать уже на божеское величие. Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитанием и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского¹, — чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую и часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей; и некоторые величали его Юпитером Латинским². (3) Мало того, он посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы. В храме он поставил свое изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды. Должность главного жреца отправляли поочередно самые богатые граждане³, соперничая из-за нее и торгуясь. Жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны, — для каждого дня своя порода. (4) По ночам, когда сияла полная луна, он неустанно звал ее к себе в объятия и на ложе, а днем разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским: иногда шепотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему свое, а иногда громко и даже сердито. Так, однажды слышали его угрожающие слова:

Ты подними меня, или же я тебя...⁴

а потом он рассказывал, что бог, наконец, его умилиствовал и даже сам пригласил жить вместе с ним. После этого он перебросил мост с Капитолия на Палатин через храм божественного Августа, а затем, чтобы поселиться еще ближе, заложил себе новый дом на Капитолийском холме.

Иосиф Флавий. «Иудейские Древности», XVIII, 8

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилась депутация из трех выборных с той и с другой стороны. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де под-

¹ Зевс Олимпийский — знаменитая статуя Фидия.

² Юпитер Латинский — древний покровитель Латинского союза, ему были посвящены Латинские игры.

³ Как сообщает Дион Кассий, они должны были платить за честь жречества по 10 миллионов сестерциев (59, 28).

⁴ «Ты подними...» — слова Аякса Одиссею во время единоборства (Илиада. XXIII. 724). По Сенеке (О гневе. I. 20), Калигула обратился с этими словами к небу, когда гроза помешала ему досмотреть представление пантомимы; по Диону (59. 28), он в подкрепление угрозы вооружился театральными машинами, производившими гром и молнию, и стал швырять камни в небо.

данные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его, как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион естественно рассчитывал восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской делегации. Филон, человек, пользовавшийся широкою известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замышлял что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильною ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую, если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сириею, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весною начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войною. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установлений. «Если тебе уже безусловно необходимо воздвигнуть статую [императора],— говорили они,— то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя нашего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели». Петроний, сдерживая гнев, ответил: «Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы ослушанием не навлекать на себя тяжкого наказания». «Так как, Петроний, таково твое решение,— сказали иудеи,— а именно не нарушать повеления Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинувшись Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений и знаем, что, раз мы решились под-

вергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью Божиею на победу во славу Его, особенно если мы ради Его рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и особенно тем, что вызовем неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая».

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и то, что ему без боя не удастся исполнить приказание Гая и воздвигнуть его статую придется лишь ценою страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознывая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкою статуи. «Итак,— воскликнул Петроний,— вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего собственного бессилия?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и открывали шею, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристокл, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбою, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до наступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то тогда и Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристокла старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю — о невозможности исполнить его при-

казание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а в противном случае уже, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился послушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своею обязанностью поступить вполне согласно повелению государя. «И тем не менее,— продолжал он,— я счел бы несправедливым пожертвовать своею личною безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь пред величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своею обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом пред величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддерживаю вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и уменья, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Забудьте о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата».

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный в свою очередь явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большою неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надеж-

ду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачки. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как Он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению было ясно, что они без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое наверно не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе.

Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желанья, не только превзойти его, но даже и померяться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая в свою очередь не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: «Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобою с личной опасностью при Тиберии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным». Гай говорил таким образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готова просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что, как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиберия, так и в теперешнем его добром расположении к нему, им, Агриппою, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал

ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые надежды. «Даже если бы дары эти,— сказал он,— и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большою наградою за мою любовь и заслуги перед тобою».

Гай был поражен этою скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: «Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благочестивого, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которою я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желания? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию».

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытаться счастья. Гай был очарован любезностью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении. Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом, и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполнение просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он послал к нему за советом, как поступать дальше. В письме этом между прочим было сказано:

«Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не заботься дольше о том, но распusti войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкою статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе».

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы. Поэтому он послал Петронию следующий ответ: «Так как ты

оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им послушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя».

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулась и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер недолго спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигнутою Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

Дион Кассий, LXXV, 4

4 (1) Утвердившись у власти, Север воздвиг храм в честь Пертинакса и приказал упоминать его имя во всех молитвах и клятвах, а также повелел, чтобы его золотую статую ввозили в цирк на колеснице, запряженной слонами, и чтобы в других амфитеатрах в его честь были установлены три позолоченных кресла. (2) Погребение же [Пертинакса], хотя прошло уже много времени после его смерти, проходило следующим образом. На Римском форуме рядом с мраморной [рострой] было сооружено деревянное возвышение, на котором был помещен небольшой храм без стен с колоннадой по сторонам, отделанный слоновой костью и золотом; туда поставили изготовленное из тех же материалов ложе, (3) которое по краям было украшено головами сухопутных и морских животных, а также златоткаными пурпурными покрывалами; на него положили восковое изображение Пертинакса в триумфальном одеянии; милостивый мальчик павлиньими перьями отгонял от него мух, словно от спящего. (4) Пока тело было выставлено для прощания, Север и мы, сенаторы, вместе с нашими женами, облаченные в траурные одежды, подошли к этому месту, женщины разместились в портиках, а

мы — под открытым небом. Затем прошли сначала [актеры], изображающие всех знаменитых римлян прошлого, (5) потом — хоры мальчиков и мужчин, исполнявшие траурный гимн в честь Пертинакса; следом пронесены были бронзовые статуи, изображавшие все подвластные народы в соответствующих каждому одеждах, и прошествовали все городские коллегии — ликторов, писцов, глашатаев и другие. (6) Далее несли изображения прочих [выдающихся] мужей, прославившихся каким-либо подвигом, или изобретением, или образом жизни; за ними шествовали вооруженные конные и пешие воины, скаковые лошади; пронесли и те погребальные приношения, которые были сделаны императором и нами,) нашими женами, наиболее видными всадниками, общинами и городскими коллегиями, а также позолоченный алтарь, украшенный слоновой костью и индийскими самоцветами. 5(1) Когда вся эта процессия завершилась, Север поднялся на ростры и произнес похвальное слово Пертинаксу. Мы же неоднократно в ходе его речи выражали своими возгласами то одобрение Пертинаксу, то скорбь о нем, но особенно громкими были наши восклицания, когда он завершил свою речь. (2) Наконец, когда оставалось только поднять погребальные носилки, все мы разом закричали и зарыдали. Их сняли с помоста жрецы и магистраты, как те, кто тогда исполнял свои обязанности, так и избранные на следующий срок, и передали нести всадникам. (3) Мы теперь пошли впереди носилок, при этом одни били себя в грудь, тогда как другие исполняли траурные песни на флейтах, император же следовал позади всех; и в таком порядке прибыли мы на Марсово поле. На нем был сооружен погребальный костер в виде трехъярусной башни, украшенной слоновой костью и золотом, а также несколькими статуями, а на самой ее вершине [была помещена] позолоченная колесница, на которой обычно ездил Пертинакс. (4) В эту башню были сложены погребальные приношения и помещены носилки, и после этого Север и родственники Пертинакса поцеловали его изображение. Император взшел на возвышение, а мы, члены сената, за исключением магистратов, заняли места на помосте, чтобы в безопасности и без помех наблюдать церемонию. (5) Магистраты и представители всаднического сословия, в одеждах, соответствующих их званию, а также конные и пешие отряды прошествовали вокруг костра, выполнив соответственно гражданские и воинские ритуалы, после чего консулы, наконец, поднесли огонь к башне, и, как только они это сделали, из нее вылетел орел. Так Пертинакс сделался бессмертным.

Мистерияльные и восточные культы

Мистерии

Тит Ливий. История Рима, XXXIX, 8—18. Перевод Э. Г. Юнца

В наступившем году [186 г. до н.э.] консулы Спурий Постумий Альбин и Квинт Марций Филипп были отвлечены от армии, военных действий и управления провинциями необходимостью подавления заговора внутри государства... Началось все с того, что в Этрурии объявился низкого происхождения грек, несведущий ни в одной из благородных наук, с которыми познакомил нас, для совершенствования тела и духа, просвещеннейший из народов. Это был жрец и прорицатель, не из тех, кто во всеуслышание проповедует свою веру, и набирая себе платных учеников, пятнает людские умы заблуждениями, но руководитель тайных ночных обрядов. Сперва в эти таинства были посвящены лишь немногие, но затем, наряду с мужчинами, к ним были допущены женщины, а чтобы привлечь еще больше желающих, обряды стали сопровождать хмельными застольями. После того, как вино подогрело страсти, а ночное смешение женщин с мужчинами и подростков со взрослыми окончательно подавило чувство стыдливости, стал набирать силу всевозможный разврат, ибо каждый имел под рукой возможность удовлетворить тот порок, к которому больше всего склонялся. Но дело не ограничилось растлением женщин и благородных юношей: из этой кузницы порока стали распространяться лжесвидетельства, подделка печатей и завещаний, клеветнические доносы, оттуда же — отравления и убийства внутри семьи, не оставлявшие подчас даже останков для погребения...

Из Этрурии это тлетворное зло, словно заразная болезнь, просочилось и в Рим. Поначалу, огромность столицы, дававшая простор и безнаказанность такого рода проделкам, помогала скрывать их, но слух о происходящем все же дошел до консула Постумия вот при каких обстоятельствах. Публий Эбутий, чей отец служил в коннице, осиротел в раннем детстве, а после смерти опекунов рос и воспитывался под присмотром своей матери Дуронии и отчима Тита Семпрония Рутила. Мать была целиком предана новому мужу, а отчим, пользуясь положением опекуна, так бессовестно обкрадывал мальчика, что потом бы не смог отчитаться, и потому искал способа погубить пасынка или превратить его в забитое, покорное существо, средство к чему нашел в Вакханалях. И вот, мать заявила мальчику, что дала во время его болезни обет, как только он выздоровеет, посвятить его в Вакховы таинства, и теперь, когда боги вняли ее мольбе, она желает обет свой исполнить. Для этого он должен в течение десяти дней блюсти целомудрие, а на десятый день, когда он поужинает и чисто вымоется, она его отведет в святилище. Там же жила известная всей округе куртизанка, вольноотпу-

щенница по имени Гиспала Феценя. У них не было друг от друга секретов, и вот однажды юноша в шутовском тоне велит своей подруге не удивляться, если несколько ночей он будет спать без нее: чтобы исполнить обет, данный за его выздоровление, он хочет приобщиться к таинствам Вакха. Услыхав об этом, Гиспала пришла в волнение и вскричала: «Да сохранят нас от этого боги! Лучше обоим нам умереть, чем тебе это сделать». И она стала призывать проклятия на голову тех, кто внушил ему это намерение. Изумленный такими речами и такой горячностью, юноша велит ей не бросаться проклятиями: ведь это приказание дала ему, с согласия отчима, мать. На это она сказала: «Значит, твой отчим (потому что, наверное, несправедливо винить твою мать) спешит погубить твою честь, доброе имя, надежды на будущее и самую жизнь». Удивленный еще больше, юноша требует объяснить, наконец, в чем дело. Тогда, заклиная богов и богинь простить ей, что побуждаемая любовью, она разглашает то, о чем подобает молчать, Гиспала рассказала, что, еще в бытность свою служанкой, она, сопровождая свою госпожу, бывала в этом святилище, но, получив свободу, больше не приближалась к нему. Она знает, что это — кузница всех пороков и преступлений... Она просит и умоляет его хорошенько подумать, прежде чем ввязываться туда, где ему придется претерпевать, а затем и совершать всевозможные виды насилий. И она отпустила юношу не раньше, чем он дал ей слово воздержаться от этих обрядов.

Когда он пришел домой и мать стала ему объяснять, как он должен готовиться к посвящению сегодня, и как — в последующие дни, он объявил, что ничего этого делать не будет и что он вообще раздумал принимать посвящение. При разговоре присутствовал отчим. Мать тут же завопила, что мальчишка, видите ли, не может потерпеть, чтобы не спать со своей Гиспалой каких-нибудь десять ночей, что эта змея так опоила его приворотными зельями, что он уже ни мать, ни отчима, ни богов ни во что не ставит. С криками и бранью мать и отчим выгнали Эбутия с четырьмя его слугами из дому. Юноша нашел прибежище у своей тетки Эбутии и рассказал, за что мать его выгнала из дому, а на другой день, по ее совету, он отправился к консулу Постумию и с глазу на глаз все ему рассказал. Консул его отпустил, приказав снова явиться через три дня, а сам расспросил Сульпицию, свою почтенную тещу, знает ли она пожилую Эбутию с Авентина. Когда та ответила, что знает ее как честную женщину строгих правил, он сказал, что должен обсудить с ней важное дело, и велел Сульпиции ее пригласить. Получив приглашение, Эбутия приходит к Сульпиции, а консул чуть позже, войдя как бы невзначай, заводит разговор об Эбутии, ее племяннике. Та горько заплакала, сетуя на судьбу юноши, который, будучи ограблен теми, от кого меньше всего можно было этого ждать, находится теперь у нее в доме, после того, как мать его выгнала за то, что добропорядочный

юноша (да простят ее боги) отказался быть посвященным в грязные, какими их считают, мистерии.

Сочтя, что знает теперь достаточно об Эбутии, и что свидетельство это заслуживает доверия, консул, отпустив Эбутию, просит свою тещу послать за соседкой Эбутии по Авентину, вольноотпущенницей Гиспалой, которую там все хорошо знают: ее он тоже хочет кое о чем расспросить... Когда ее отвели во внутренние покои, консул, в присутствии тещи, заявил, что если она готова честно ответить на ряд вопросов, то может ничего не бояться, (порукой тому слово столь почтенной госпожи, как Сульпиция, и его собственное), но она должна ему рассказать обо всем, что обычно творится в роще Стимулы при ночных Вакханалиях. Вопрос привел Гиспалу в такой ужас, и ее начала бить такая нервная дрожь, что она долго не могла выговорить ни слова. Наконец, собравшись с силами, она сказала, что будучи совсем молодой девчонкой, вместе со своей госпожой приняла посвящение в таинства, но с тех пор, как ее отпустили на волю, вот уже несколько лет, она ничего не знает о том, что там происходит. Консул похвалил уже то, что она не отрицает факт своего посвящения в таинства: но пусть так же честно расскажет и остальное. Гиспала возразила, что больше ничего не знает, на что консул предостерег ее, что в случае разоблачения она не может рассчитывать на прощение или даже награду, какую получила бы при добровольном признании, потому что ему уже все известно со слов человека, узнавшего обо всем от нее...

Тогда Гиспала рассказала о происхождении этих таинств. Сначала это было чисто женское таинство, куда ни один мужчина не допускался. В году было три установленных дня, когда, еще засветло, совершалось посвящение в Вакховы таинства, причем жрицами выбирали почтенных замужних женщин. Но когда жрицей стала Пакулла Анния, уроженка Кампании, то она, якобы по внушению свыше, изменила заведенный порядок, впервые допустив к обрядам мужчин и посвятив в таинства своих сыновей Миния и Геренния Церриниев, сами обряды перенесла на ночное время, и вместо трех дней в году справляя их пять раз в течение месяца. С тех пор, как состав вакхантов стал смешанным, а к смешению полов прибавилась и разнuzданность ночных оргий, там уже нет недостатка ни в каких пороках и гнусностях. Больше мерзостей мужчины творят с мужчинами, нежели с женщинами. Тех, кто противится насилию или уклоняется от насилия над другими, закаляют как жертвенных животных. Верхом благочестия у них считается готовность к любому кошунству. Мужчины, словно безумные, во время обряда раскачиваются всем телом и выкрикивают пророчества, а замужние женщины, одетые словно вакханки, с распущенными волосами, с пылающими факелами устремляются к Тибру, окунают факелы в воду, и так как те начинены горючей серой с известью, вынимают столь же ярко горящими.

Про тех, кого, привязав к театральной машине⁵, сбросили в подземные бездны, они говорят, что те взяты богами. Этими жертвами становятся те, кто отказался или вступить в их сообщество, или участвовать в преступлениях, или подвергаться насилию. Они составляют огромное множество, почти равное населению Рима, и среди них есть даже члены знатных фамилий, и мужчины и женщины. Последние два года стало правилом, чтобы в таинства посвящали лиц моложе двадцати лет, ибо таких легче увлечь на путь разврата и преступлений...

Теперь, когда оба свидетеля оказались у него в руках, Постумий обо всем по порядку докладывает сенату, рассказав сначала о поступившем к нему доносе, а затем об итогах проведенного им дознания. Сенаторы сильно встревожились, опасаясь как за судьбу государства, которое могло пострадать от заговора и ночных сборищ, так и за судьбу своих близких и родственников, которые могли быть в заговор вовлечены. Сенат вынес консулу благодарность за то, что он тщательно и без лишней огласки провел предварительное дознание. Затем, наделив консулов чрезвычайными полномочиями, сенат поручил им расследовать дело о Вакханалиях и ночных таинствах. Им было поручено позаботиться о безопасности Эбутия и Фецении, а также наградами привлечь новых доносчиков. Жрецов этих таинств, будь то женщины или мужчины, было велено разыскивать не только в Риме, но по всем городкам и местам сельских ярмарок, и предавать в руки консулам. В столице был оглашен и по Италии разослан эдикт, запрещающий участникам Вакханалий устраивать сходки и собрания для отправления этих таинств, а главное, привлечь к ответственности тех, кто использовал эти собрания и обряды в безнравственных и развратных целях. Таковы были меры, принятые сенатом.

Разослав магистратов с этими поручениями, оба консула созвали народ и поднялись на Ростры. После официальной молитвы, какую магистрат произносит, прежде чем обратиться с речью к народу, слово взял консул Постумий, сказавший: «Квириты, еще ни в одном народном собрании эта официальная молитва богам не была настолько уместной и даже необходимой. Она должна вам напомнить, что именно этих богов ваши предки завещали чтить обрядами, жертвами и молитвами, а не тех, которые, словно фурии своими бичами, толкают на преступления и разврат умы, ослепленные порочными, чужеземными суевериями. Я, право, колеблюсь, о чем умолчать в своей речи, а что изложить обстоятельно и подробно: если от вас утаить часть правды, то боюсь, вы отнесетесь к ней пренебрежительно; а если всю правду открыть до конца, то боюсь, что ум ваш помутится от страха. Сколько бы ни сказал я, этого вам покажется мало в сравнении с опасностью, нам

⁵ При помощи таких театральных машин в театре изображались полеты героев, спуск богов на землю и т.п.

грозящей, но я постараюсь сказать достаточно, чтобы побудить вас к самозащите. Что повсюду в Италии, а теперь уже и во многих местах нашей столицы справляются таинства Вакха, не сомневаюсь, вы знаете не только из слухов, но по шуму и завываниям, ночью оглашающим город, но я также уверен, что никто из вас не знает, в чем заключаются Вакханалии. Одни полагают, что это — некая форма культа, другие в них видят дозволенные игры и увеселения, но все уверены, что участвуют в них немногие. Что до числа их участников, то вы сразу придете в ужас, если я скажу, что оно составляет уже многие тысячи, если я не добавлю при этом, что эти люди представляют собой. Так вот, их большую часть составляют женщины, которые и положили начало этому злу. Затем, это — напоминающие женщин мужчины, совращаемые и совратители, иступленные и неистовые, обезумевшие от ночных оргий и попок, шума и криков. Сейчас преступное сообщество бессильно, но оно набирает силу с устрашающей быстротой, и численность его растет со дня на день. Ваши предки не разрешали даже благонамеренным гражданам самовольных, неорганизованных сходок, кроме трех случаев: когда знамя, водруженное на городской цитадели, созывало граждан с оружием в руках для проведения за городом центуриатных комиций; когда трибуны назначали сходку плебеев; и когда кто-то из магистратов в законном порядке созывал народную сходку. И всюду, где собиралась толпа, считалось необходимым присутствие законного ее председателя. Как после этого вы должны относиться к сборищам, которые проводятся по ночам и в которых женщины участвуют вместе с мужчинами? Если бы вы знали, в каком возрасте мужчин посвящают в эти мистерии, то вы бы не только жалели их, но и стыдились за них. Неужели, квириты, вы полагаете, что, дав такую клятву, юноши могут служить в вашей войске? Им ли, прошедшим школу разврата, вы захотите доверить оружие? Неужели, покрытые своим и чужим позором, на поле брани они будут отстаивать честь ваших жен и детей?

Было не так страшно, если бы они запятнали себя только развратом (это был бы только их личный позор), но свой разум и руки удерживали бы от обмана и преступлений. Однако никогда еще в нашем отечестве не возрастала столь опасная язва, затрагивающая столь многих людей и породившая столь многие злодеяния. Знайте, что за последние несколько лет не было преступления или обмана, источником которому не служили бы Вакханалии. Но еще не все преступные цели заговора раскрыты. Пока недостаточно сильное для борьбы с государством, преступное сообщество до сих пор покушалось лишь на отдельных лиц. Но зло ползком подкрадывается и растет с каждым днем. Сейчас оно уже слишком велико, чтобы нападать на отдельных граждан, и грозит уже государству в целом. И если вы не примете мер, квириты, то этому собранию, законно созванному консулом при свете дня, будет противопоставлено другое, ночное. Сейчас заговорщики, будучи раз-

общенными, боятся вас, объединенных собранием. Но как только вы разойдетесь по своим домам и по селам, они соберутся на свое заседание, и сделают все для вашей гибели и своего спасения. Тогда для вас, разобщенных, они, будучи сплочены, станут опасны. Поэтому каждый из вас пусть пожелает, чтобы все его близкие оказались честными гражданами. А если кто-то из них безумием или похотью оказался втянут в эту трясиину, то вы должны от него отречься, как от опасного преступника из числа самых отвязавшихся негодяев. Я не уверен, квинтиты, что среди вас самих нет оступившихся. Ведь ничто внешне так не обманчиво, как ложное суеверие. Когда преступления оправдывают религией, закрадывается опасение, что, карая людские заблуждения, мы можем нарушить связанные с ними права богов. Но от сомнений такого рода вас избавляют бесчисленные декреты понтификов, постановления сената, ответы гаруспиков. Сколько уже раз во времена ваших отцов и дедов магистратам поручалось запретить иноземные ритуалы, изгнать с Форума, Цирка и вообще из столицы бродячих жрецов и гадателей, разыскать и сжечь книги мнимых пророчеств, отменить все жертвоприношения, не соответствующие римским обычаям. Ведь они, хорошо разбираясь в праве божественном и людском, полагали, что нет ничего пагубнее для благочестия, чем совершать обряды не по обычаю предков, а на манер иноземцев. Я счел нужным предупредить вас об этом, чтобы суеверие не тревожило вас, когда вы увидите, как мы разрушаем места проведения Вакханалий и разгоняем эти нечестивые сборища. Все, что мы сделаем, будет совершено с изволения и с помощью бессмертных богов, которые, негодую на то, что их именем прикрывались злодеяния и разврат, теперь эту гнусность разоблачили, не для того, чтобы оставить ее безнаказанной, но чтобы со всею строгостью покарать. Сенат наделил меня и моего коллегу чрезвычайными полномочиями для расследования этого дела. Мы энергично выполним то, что предписано нам, и младшим магистратам мы уже поручили организовать ночное патрулирование столицы. Но было бы правильно, чтобы и вы, как того требует долг, ревностно выполняли, каждый на своем месте, приказы, которые вам будут даны, и пресекали тайные планы мятежников устроить волнения и беспорядки».

Затем консулы приказали огласить тексты сенатских постановлений и пообещали награду каждому, кто сумеет схватить и привести к ним хотя бы одного заговорщика, или, по крайней мере, сообщит его имя. Если поименованный попытается бежать, то ему будет назначен день для судебного разбирательства, и если на вызов глашатая в тот день он не отзовется, то будет осужден и приговорен заочно. Тем заговорщикам, кто находится вне Италии, срок будет продлен, чтобы они могли лично явиться в суд и защищаться от обвинений. Далее консулы издали указ, запрещающий что-либо продавать и покупать с целью бегства, а также запрещающий предоставлять бе-

глецам убежище, укрывать их и оказывать им какую-либо поддержку. После того как собрание было распущено, весь Рим охватила настоящая паника. Тревога не ограничилась стенами столицы и ближайшими к Риму окрестностями, но по всей Италии распространились испуг и оцепенение из-за писем, которыми жители Рима извещали своих друзей о сенатском решении, народном собрании и постановлении консулов. В первую же ночь после народного собрания, в котором был разоблачен заговор, многие преступники пытались бежать, но благодаря постам, размещенным у всех ворот триумвирами, были задержаны и доставлены под конвоем. На многих поступили доносы, причем некоторые из них, и женщины и мужчины, совершили самоубийство. Утверждали, что свыше семи тысяч лиц обоего пола было вовлечено в заговор. Возглавляли тайное общество, как стало известно, двое Атиниев, Марк и Гай, оба из числа римских плебеев, а также Луций Опитерний, уроженец Фалерий, и кампанец Миний Церриний. Они-то и были зачинщиками всех преступлений и гнусностей, верховными жрецами и основателями мистерий. Их постарались арестовать в первую очередь, и когда их доставили к консулам, они сразу сознались и дали полные показания.

Тем не менее, число сбежавших из столицы было так велико, что многие потеряли право на иск и лишились права на собственность, а потому сенат предложил преторам Титу Мению и Марку Лицинию на месяц отложить рассмотрение дел, покуда консулы не закончат расследование. Это же отсутствие обвиняемых, поскольку те, на кого поступили доносы, не отвечали на вызов глашатая в Риме, и их невозможно было там разыскать, заставило консулов разъезжать по местам сельских ярмарок, чтобы разыскивать и судить их на месте. Участников Вакханалий, которые лишь приняли посвящение в таинства и повторили вслед за жрецом клятву готовности к злодеяниям и разврату, но не успели совершить ни над собой, ни над другими ни одного из проступков, к которому их эта клятва обязывала, — таких консулы оставляли под стражей. Тех же, кто обесчестил себя развратом и убийствами, запятнал лжесвидетельством, подделкой печатей, подлогом завещаний и другого рода мошенничеством, консулы предавали смерти. Казнено было больше, чем приговорено к заключению, причем и тех и других оказалось великое множество. Женщин, осужденных на смерть, передавали их родственникам или опекунам, чтобы те казнили их приватно; если же не находилось подходящего исполнителя казни, то их казнили публично. Затем консулам было поручено уничтожить капища Вакха сначала в Риме, а потом и всюду в Италии, за исключением тех, где имелся старинный алтарь или культовая статуя этого божества. Наконец, был принят сенатский указ, запрещающий впредь отправлять таинства Вакха где-либо в Риме или в Италии. Кто считает для себя этот культ обязательным и не может от него отречься, не совершив святотатственного греха, тот должен заявить об этом

городскому претору, который, в свою очередь, обязан поставить в известность сенат. Если сенат, в присутствии не менее сотни сенаторов, разрешит таковой обряд, то пусть отправляет его при условии, что участвовать в священнодействиях будет не более пяти человек, что они не будут иметь общей кассы, руководителей священнодействий или жреца.

Цицерон. О законах, II, 35-36

Марк. — Речь идет о ночных священнодействиях женщин.

Аттик. — Да я согласен с тобой — тем более, что в самом законе есть оговорка насчет торжественного жертвоприношения от имени государства.

Марк. — Что же, в таком случае, станет с Иакхом и вашими Евмолпидами, и со священными мистериями, если мы упраздним ночные священнодействия? Ведь мы издаем законы не для одного только римского народа но и для всех народов, честных и стойких духом.

Аттик. — Ты, мне думается, сделаешь оговорку насчет тех мистерий, к которым мы сами приобщились.

Марк. — Да, я сделаю оговорку. Ибо, если твои любимые Афины, по моему мнению, создали многое исключительное и божественное и сделали это достоянием человека, то самое лучшее — те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее. Но о том, что мне не нравится в ночных священнодействиях, сообщают комические поэты. Будь такая вольность допущена в Риме, чего бы только не натворил тот, кто с заранее обдуманном намерением внес разврат в священнодействие, во время которого божественный закон не велит даже бросать нескромные взгляды.

Аттик. — Ну, вот ты и предлагай свой закон в Риме, но у нас не отнимай наших.

Марк. — Итак, возвращаюсь к нашим законам. Ими, конечно, строжайше определено, что яркий свет должен на глазах у множества людей оберегать доброе имя женщин и что приобщение к таинствам Цереры должно совершаться по тому же обряду, по какому приобщения совершаются в Риме. О суровости наших предков свидетельствует старое постановление сената о вакханалиях, произведенное консулами расследование с применением вооруженной силы и наказание, наложенное ими на виновных. К тому же (дабы мы не показались, пожалуй, не в меру суровыми) в сердце Греции Диагонд из Фив упразднил все ночные священнодействия своим законом, изданным без ограничения срока действия. Что касается новых божеств и ночных бдений для поклонения им, то Аристофан, остроумнейший поэт древней комедии, в своих насмешках над ними доходит до того, что Сабазий и некоторые

другие иноземные божества у него, после осуждения в суде, изгоняются из гражданской общины.

Ditt. Or. 721. Египет. Надпись на сиринге (семиствольной флейте). Ранович 164

Факелоносец священнейших элевсинских мистерий Никагор, сын Ми-нуциана, афинянин, испробовав сиринги, много времени спустя после божественного Платона из Афин, восхищен и возблагодарил богов и благочестивейшего царя Константина, давшего мне это. Да будет милостив ко мне Платон и здесь.

Восточные культы

Египетские культы (Исида и Серапис)

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, I, 25—27

Вообще, относительно этих богов (Исиды и Сераписа — А.П.) существует многое разногласие. Одни называют эту (богиню) Исидой, другие — Деметрой, третьи — Фесмофорой, четвертые — Селеной, пятые — Герой, шестые — всеми этими именами. Одни считают Осириса Сераписом, другие — Дионисом, третьи — Плутоном, четвертые — Аммоном, некоторые — Зевсом, и многие — Паном. Некоторые утверждают, что Серапис у эллинов зовется Плутоном. По словам египтян, Исида стала изобретательницей многих целительных лекарств, и она также искусно владела опытным знанием врачевания. И потому, достигнув бессмертия, (Исида) более всего находит удовольствие в заботе о людях. Она подает во время снов помощь требующим, показывая явно и свою собственную славу, и благодеяние по отношению к просящим людям. Говорят, что в качестве доказательства этого они сами приводят не мифологические предания, подобно эллинам, а блистательные деяния: ведь свидетельством для них является почти весь обитаемый мир, который соревнуется в почестях этой (богине) по причине (ее) явления в исцелениях. Являясь в снах, Исида подает хворающим лекарство от болезни, и повинующиеся ей чудесным образом выздоравливают. Ведь многие, которых врачи по причине тяжести недуга объявили безнадежными, излечивались ею. Многие, совершенно повредившие зрение или что-нибудь иное, возвращались в прежнее (здоровое) состояние, когда бы они ни прибегали к этой богине. (Исида) изобрела и лекарство бессмертия. С его помощью она сына Хора, против которого злоумышляли титаны и который был найден мертвым на воде, не только воскресила, возвратив душу, но (даже) сделала так, что он получил бессмертие. И, кажется, этот царствовал последним из богов, после того, как его отец Осирис переселился от людей. Как говорят, Хор в переводе на греческий язык означает «Аполлон». Он, обученный своей матерью Исидой врачевному и гадательному искус-

ству, благодетельствует человеческому роду при помощи оракулов и исцелений...

Мне же доподлинно известно (следующее): некоторые из историков называют на то, что гробницы этих богов находятся в Нисе Аравийской... Ведь существуют и стелы каждого из богов, на которых есть надпись иероглифами. На (стеле) Исида написано: «Я — Исида, царица всех земель, воспитанная Гермесом, и я установила столь великое, что это никто не сможет уничтожить. Я — старшая дочь самого молодого бога Крона. Я — жена и сестра царя Осириса. Я — первая, открывшая для людей плоды земли. Я — мать Хора царя. Я — восходящая (звезда) в созвездии Пса⁶, мною построен город Бубастис⁷. Радуйся, радуйся, о Египет, взрастивший меня!» На (стеле) Осириса, как они сообщают, написано: «Отец мой — младший из всех богов Крон, я — царь Осирис, предпринявший поход против всякой страны: туда — вплоть до необитаемых районов Индии и областей, лежащих под (созвездием) Большой Медведицы, вплоть до истоков реки Истра⁸; и обратно — по другим частям (земли) до океана. Я — старший сын Крона, я произошел из прекрасного и благородного яйца, родное семя, зачатое днем. И нет такого места вселенной, в которое я не пришел бы, передав всем то, что я открыл как изобретатель».

Надпись из Иоса. А. Deissmann. Licht vom Osten. S. 94—95. II-III в.

Такой-то посвятил это Исиде, Серапису, Анубису и Гарпократу. Я — Исида, владычица всякой страны, я воспитана Гермесом и вместе с Гермесом изобрела демотические письма для того, чтобы не все писали одинаковыми буквами. Я положила законы людям и издала законоположения, которых никто не может изменить. Я старшая дочь Кроноса. Я жена и сестра царя Осириса. Я (звезда), восходящая в созвездии божественного Пса. Я та, которую у женщин называют богиней. Мне построен город Бубастис. Я отделила землю от неба. Я указала пути звездам. Я установила порядок движения солнца и луны. Я изобрела мореплавание. Я сделала справедливое сильным. Я свела женщину с мужчиной. Я предписала женщинам носить плод до десятого месяца. Я установила закон, чтобы родители были любимы детьми. Я наложила кару на тех, кто относится к родителям без любви. Я вместе с братом Осирисом положила конец людоедству. Я указала людям очищения. Я научила почитать изображения богов. Я освятила участки богов. Я разрушила власть тиранов. Я добилась, чтобы женщины были любимы мужчинами. Я сделала справедливость сильнее золота и серебра. Я законоположила, чтобы истина считалась прекрасной. Я изобрела брачные кон-

⁶ Сириус.

⁷ Город, располагавшийся в Нижнем Египте на юго-востоке дельты Нила.

⁸ Древнегреческое название реки Дунай.

тракты. Я указала эллинам и варварам их наречия. Я сделала так, чтобы прекрасное и постыдное отличались между собой по природе...

Тацит. История, IV, 83—84

Из наших писателей никто еще достойным образом не рассказал о происхождении этого божества. Египетские жрецы говорят о нем следующее. Первый из македонян, кто сумел превратить Египет в мощную державу, был царь Птолемей⁹. Когда он обносил стенами только что основанную в ту пору Александрию, строил в ней храмы и создавал религиозные обряды, ему было видение, — во сне предстал ему юноша необычайного роста и редкой красоты и приказал: «Пошли самых верных друзей своих в Понт¹⁰, дабы они привезли оттуда мое изображение. Царству твоему оно принесет счастье, а храму, где его поставят, — величие и славу». Едва юноша произнес эти слова, как огненный вихрь вознес его на небо. Встревоженный пророческим видением, Птолемей рассказал о нем египетским жрецам, опытным в толковании вещих снов. Те признались, однако, что почти ничего не слышали о Понте и народах, живущих за пределами Египта. Тогда Птолемей обратился к Тимофею, афинянину из рода Евмолпидов, которого он еще раньше вызвал из Элевсина, поручив руководить отправлением священных обрядов, попросил его объяснить видение и истолковать волю божества. Тимофей расспросил людей, бывавших в Понте, и узнал от них, что есть в этих краях город, называемый Синопа, а недалеко от города — древний храм, известный у жителей под именем храма Юпитеру Диту¹¹: в святилище, рядом со статуей самого божества, стоит и изображение женщины, которую многие считают Прозерпиной¹². Но Птолемей был царь, и как то свойственно царям, действовал быстро, лишь пока ему угрожала опасность; видя, что все кругом по-прежнему спокойно, он снова стал больше помышлять о развлечениях, чем о почитании богов, мало-помалу забыл о пророчестве и обратился к другим делам, как вдруг тот же юноша явился ему в еще более грозном облике и сказал, что, если царь не исполнит приказания, немедленная гибель ждет и его самого, и его царство. Жителями Синопы правил в ту пору царь Скидрофемид; Птолемей тут же отправил к нему послов с дарами, велел им по дороге посетить святилище Аполлона Пифийского. Плавание их было удачно, и бог сказал им вполне ясно, что они должны ехать и возвратиться с изображением его отца, статую же сестры оставить на прежнем месте.

⁹ Птолемей I Ллаг (ок. 360 — 283/2 гг. до н.э.) — один из военачальников Александра Великого, позже царь Египта и основатель династии Птолемеев.

¹⁰ Понт — историческая область на северо-востоке Малой Азии.

¹¹ Юпитер Дит (Отец Дит) — бог подземного царства.

¹² Прозерпина — в древнеримской мифологии дочь Юпитера и Цереры, племянница и супруга бога подземного мира Плутона.

Прибыв в Синопу, послы вручили Скидрофемиду подарки, передали ему просьбу Птолемея и умоляли его эту просьбу исполнить. Царь не знал, что делать, — веление божества приводило его в трепет, народ требовал, чтобы статуи никто не касался, и своим буйством внушал Скидрофемиду ужас: однако подарки и обещания послов делали свое дело, и он все больше склонялся на их сторону. Так прошло три года, в течение которых Птолемей не ослаблял своих усилий и не скупился на подношения; от него приезжали послы все более высокого ранга, росло число прибывавших из Египта кораблей, все увеличивался вес золота, которое они привозили. Грозная тень явилась Скидрофемиду, приказала не медлить долее и тотчас выполнить веление бога. Он продолжал колебаться. Тогда на него обрушились беды; начались болезни, гнев небес, день ото дня все более неумолимый, разразился над жителями Синопы. Царь собрал народ и стал говорить о велении божества, о видениях, которые являлись ему и Птолемею, о несчастьях, все более свирепо терзавших Синопу. Жители не хотели слушаться царя; они ненавидели египтян, боялись за себя и кончили тем, что выставили у храма охрану. Поэтому и приходится так часто слышать, будто статуя сама поднялась на один из кораблей, стоявших у берега. Не меньшее удивление вызывает и та невиданная быстрота, с которой суда прошли огромное расстояние от Синопы до Египта: уже на третий день они появились в гавани Александрии. Святылище, размерами своими соответствующее величию города, было выстроено в месте, называемом Ракотис¹³, где стоял старинный маленький храм, посвященный Серапису и Изиде. Именно так рассказывают чаще всего о происхождении храма и о том, каким образом попала сюда статуя бога. Я знаю, что, по мнению некоторых, статуя была привезена из сирийского города Селевкии¹⁴ в правление Птолемея, третьего царя с этим именем. Есть также люди, считающие, что привез ее тот самый Птолемей, о котором шла речь выше, но не из Синопы, а из Мемфиса, твердыни древнего Египта, пользовавшейся некогда громкой славой. Бога этого одни считают Эскулапом, так как он излечивает болезни, другие Озирисом — древнейшим божеством Египта; многие говорят, что раз он правит всем сущим, то это должен быть Юпитер; большинство же видит в нем отца Дита, поскольку многие признаки указывают на это прямо, а другие могут быть истолкованы в таком же смысле.

Плутарх. Об Исиде и Осирисе

28. А Птолемею Сотеру приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию. Ничего не ведая о нем и разду-

¹³ Район Александрии, примыкающий к верфям.

¹⁴ Селевка Пиэрийская — город и крепость в Сирии в 3 милях от Антиохии.

мывая, где бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотеллия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то товарищи эсегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это — изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемея же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не оттуда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона — Сарапис. И, конечно, изречение философа Гераклита: «Одно и то же Гадес и Дионис, для которого безумствуют и празднуют Лией»,¹⁵ — склоняет к такому же мнению. А те, кто полагает, что Гадесом называется тело, ибо душа в нем как бы пьяна и безумна, — те прибегают к жалким аллегориям. Правильнее Осириса отождествлять с Дионисом, а Сараписа — с тем Осирисом, который получил это имя, когда переменял естество. Поэтому Сарапис сопричастен всем людям, как то известно об Осирисе тому, кто связан с храмовым служением.

29. С другой стороны, не стоит обращать внимания на сочинения фригийцев, в которых говорится, что Сарапис был сыном Харопы, дочери Геракла, а Тифон — сыном Эака и внуком Геракла. Достоин презрения и Филарх¹⁶, писавший, будто Дионис первым привел из Индии в Египет двух быков, и одного из них имя было Апис, а другого — Осирис. Сарапис же якобы — имя того, кто все упорядочивает, происходящее от «сайрейн» — слова, которое иные толкуют как «украшать» и «упорядочивать». Все что у Филарха — бессмыслица, но еще большая бессмыслица у тех, кто говорит, что Сарапис не бог, а названный этим именем саркофаг Аписа, и что есть в Мемфисе некие медные ворота, называемые вратами Забвения и Плача. Они открываются всякий раз, как хоронят Аписа, издавая при этом тягостный и резкий звук. Поэтому якобы, когда звучит любая медная вещь, нас охватывает волнение. Умереннее те, кто утверждает, что имя происходит от «сэбестай» и «сустай» и так или иначе обозначает движение всего сущего. Большинство же жрецов говорят, будто Апис и Осирис — одно, поучая и наставляя нас, что надо считать Аписа воплощенным образом души Осириса. Я со своей стороны полагаю, что если имя Сарапис — египетское, то оно означает «радость» и «веселье», и основываюсь на том, что веселые праздники египтяне называют сайрами. А Платон говорит, что Гадес получил свое имя как бог благодетельный и радушный по отношению к тем, кто к нему попадает¹⁷.

¹⁵ Фрагмент Гераклита (DK 12 В 15).

¹⁶ Филарх — историк III в. до н. э.

¹⁷ Платон. Кратил, 404b.

К тому же, у египтян есть много и других имен, которые являются названиями; так, подземный мир, в который, по их мнению, души отправляются после смерти, они называют Амент, а имя это означает: «берущий и дающий». Позднее мы рассмотрим, не одно ли это из имен, произошедших и перенесенных из Эллады.

Апулей. Метаморфозы, XI, 10

Тут движется толпа посвященных в таинства — мужчины и женщины всякого положения и возраста, одетые в сверкающие льняные одежды белого цвета; у женщин умощенные волосы покрыты прозрачными покрывалами, у мужчин блестят гладко выбритые головы; земные светила великой религии, они потрясают медными, серебряными и даже золотыми систрами, извлекая из них пронзительный звон. Наконец — высшие служители таинств; в своих узких белых льняных одеждах, подпоясанных у груди и ниспадающих до самых пят, несут они знаки достоинства могущественнейших божеств. Первый держал лампу, горевшую ярким светом и нисколько не похожую на наши лампы, что зажигают на вечерних трапезах; это была золотая лодка с отверстием посередине, через которое выходил очень широкий язык пламени. Второй был одет так же, как первый, но в каждой руке нес он по алтарю, называемому «помощником», — это имя дал им быстро приходящий на помощь промысел верховной богини. За ним шел третий, неся пальмовую ветвь с тонко сделанными из золота листьями, а также Меркуриев кадущей¹⁸. Четвертый показывал символ справедливости в виде левой руки с протянутой ладонью, — она слаба от природы, ни хитростью, ни ловкостью не одарена и потому скорее, чем правая, может олицетворять справедливость: он же нес и закруглявшийся, наподобие сосца, золотой сосудик, из которого совершал возлияние молоком. У пятого — золотая веялка, наполненная лавровыми веточками; последний нес амфору.

Апулей. Метаморфозы, XI, 21—23

После этого случая я еще усерднее принялся за исполнение религиозных обязанностей, так как надежда на будущее поддерживалась во мне сегодняшними благодеяниями. Со дня на день все более и более проникало в меня желание принять посвящение, и я не отставал от верховного жреца со своими горячими просьбами, чтобы он посвятил меня наконец в таинства священной ночи. Он же, муж степенный и известный строгим соблюдением религиозных обрядов, кротко и ласково, как отцы обыкновенно сдерживают несвоевременные желания своих детей, отклонял мою настойчивость, утешая и успокаивая меня в моем смятении добрыми надеждами.

¹⁸ Символ Гермеса (Меркурия), жезл глашатаев у греков и римлян. Кадущей считался символом неприкосновенности глашатаев, посылающихся к неприятелю.

— Ведь и день, — говорил он, — в который данное лицо можно посвящать, указывается божественным знамением, и жрец, которому придется совершать таинство, избирается тем же промыслом, даже необходимые издержки на церемонию устанавливаются таким же образом. — Ввиду всего этого он полагал, что мне нужно вооружиться немалым терпением, остерегаясь жадности и заносчивости, и стараться избегать обеих крайностей: будучи призванным — медлить и без зова — торопиться. Да и едва ли найдется из числа жрецов человек, столь лишенный рассудка и, больше того, готовый сам себя обречь на погибель, который осмелился бы без специального приказа богини совершить столь дерзостное и святотатственное дело и подвергнуть себя смертельной опасности: ведь и ключи от преисподней, и оплот спасения — в руках у богини. Да и самый обычай этот установлен в уподобление добровольной смерти и дарованного из милости спасения, так как богиня имеет обыкновение намечать своих избранников из тех, которые, уже окончив путь жизни и стоя на пороге последнего дыхания, тем лучше могут хранить в молчании великую тайну небесного учения: промыслом ее в какой-то мере вторично рожденные, они обретают возможность еще раз начать путь к спасению. Вот так же и мне следует ждать небесного знамения, хотя совершенно ясно, что высоким суждением великого божества я давно уже призван и предназначен к блаженному служению. Тем не менее я должен уже теперь наряду с остальными служителями храма воздерживаться от недозволенной и нечистой пищи, чтобы тем скорее достигнуть скрытых тайн чистой веры...

Наконец жрец объявляет, что час настал, и ведет меня, окруженного священным воинством, в ближайшие бани; там после обычного омовения, призвав милость богов, он со всей тщательностью очищает меня окроплением и снова приводит к храму. Две трети дня были уже позади, когда он, поставив меня у самых ног богини и прошептав мне на ухо некоторые наставления, благостное значение которых нельзя выразить словами, перед всеми свидетелями наказывает мне воздержаться от чревоугодия, десять дней подряд не вкушать никакой животной пищи, а также не прикасаться к вину. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения, и солнце, склоняясь к закату, привело на землю вечер...

Может быть, ты страстно захочешь знать, усердный читатель, что там говорилось, что делалось? Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы слышать было позволено. Но одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и язык и уши. Впрочем, если ты объят благочестивой жадной познания, не буду тебя дальше томить. Итак, внимай и верь, ибо это — истина. Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными

и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, должен остаться в прежнем неведении.

Руфин. Церковная история. XI, 23.

О храме Сераписа в Александрии, я полагаю, не только все слышали, но многие также и знают. Место то, поднятое на сто или того больше шагов вверх не природой, но руками и трудом, растянулось четырехугольником на все стороны, занимая огромное пространство. А все сооружения, воздвигнутые там, где возвышение заканчивается полом, снабженные бесчисленными светильниками и потайными святилищами, отделенные друг от друга, использовались для различных служб и тайных обрядов. Сверх того, по краям всего этого пространства были расположены экседры и пастофории (палаты), а также дома, поднимающиеся в высоту, в которых обычно находились служители храма или те, кого именуют чистыми, то есть те, кто себя очищают. Портики же, расположенные четырехугольными рядами позади всего этого периметра, замыкают собой все пространство. В центре же находился храм, украшенный величественными колонными и великолепно и чудесно отделанный изнутри камнем мрамора. В нем стояла настолько огромная статуя Сераписа, что правая рука его касалась одной стены, а левая другой. Это чудовище, как передают, было выполнено из всякого рода металла и древесины. Нижние стены храма были сначала покрыты золотыми пластинами, на которые наложены серебряные и наконец медные, чтобы они служили защитой для более драгоценных металлов. Кое-что также искусно и с хитростью было создано для поражения и удивления зрителей.

Со стороны восхода солнца так было устроено весьма маленькое окно, что днем, когда вносили статую Солнца для приветствия Сераписа, в специально рассчитанное время с появлением статуи солнечный луч, проникая через это окошко, освещал рот и губы Сераписа, так что смотрящему народу казалось, будто солнце поцелуем приветствует Сераписа. Был также и другой обман, вот какого рода. Известно, что природа магнита такова, что он привлекает и притягивает к себе железо. Фигура Солнца как раз для того была выполнена мастером из тончайшего железа, чтобы камень, в чьей силе, как мы сказали, притягивать железо, закрепленный на потолке, когда статуя оказывалась как раз под лучом солнца, природной силой притягивал к себе железо, и народу бы казалось, будто статуя поднимается и повисает в воздухе. И чтобы скорое падение не изобличило эту [хитрость], пособники обмана говорили: «Взошло солнце, чтобы, поздоровавшись с Сераписом, уйти восвояси». Однако и многие другие обманы в прежние времена были созданы в том месте, которые теперь долго перечислять.

Но, как мы начали говорить, когда был оглашен рескрипт, хотя наш народ был готов к низвержению источника заблуждений, все же язычниками

распространялось мнение, будто если человеческая рука дотронется до той статуи, разверзнется земля и тотчас увлечет в преисподнюю, и тут же небо рухнет в бездну. Это привело народ в небольшое замешательство. И вот тогда один из солдат, вооруженный больше верой, нежели оружием, подняв секиру, со всего маху ударил по челюсти хитрой бестии. Поднялся крик и того и другого народа: и все же ни небо не рухнуло, ни земля не разверзлась. Потом, ударив еще и еще раз, он разбил чадного идола гнилой древесины: ведь когда он был низвергнут, сухая древесина весьма легко горела. После этого у него была отсечена от шеи голова и сокрушен модий. Тогда ноги и другие члены тела, отсеченные секирой, с помощью веревок были растащены в стороны, и в разных местах части немощного старика были сожжены на глазах почитавшей его Александрии. Туловище же, которое осталось, было сожжено в амфитеатре. Такой финал был у пустого суеверия и древнего заблуждения Сераписа.

CIL V, 5080. Штаерман, 546

Посвящено Исиде тысячеименной. Фестин, раб-казначей Тита Юлия Са-турнина, откупщика налогов... поставил. Фортунат, его же раб-контролер, озаботился сделать.

CIL X, 7514. Штаерман, 136

Храм Исиды и Сераписа с изображениями и украшениями и местом для гимнастических упражнений восстановил в честь двух Марков Порцев, Феликса и Импетрата, сына, намеченного [на должность] кваттуорвира с властью эдила, Марк Порций, отпущенник Марка, Примигений, магистр [коллегии] Ларов Августа.

Сирийские божества (Атаргатис)

Лукиан. О Сирийской богине

Самый большой среди известных мне праздников справляется в начале весны. Одни зовут его «Костром», другие «Светочем». Жертвоприношение тогда совершается следующим образом. Срубаются большие деревья и складываются в костер во дворе храма; затем пригоняют коз, овец и других животных и вешают их живьем на срубленные деревья; сюда же помещают птиц, платья, золотые и серебряные вещи. Когда все готово, вокруг сложенного костра обносят священные изображения, после чего в костер бросают огонь, и тотчас все загорается. На это празднество стекается множество народа из Сирии и соседних стран; каждый несет с собою свои священные предметы, и каждый имеет отличительные значки, изготовленные для этого.

В установленные дни толпа собирается в святилище, чтобы присутствовать при оргиях: множество галлов и священнослужителей, которых у уже

назвал, справляют оргии, причем режут себе руки и бьют друг друга по спинам. Находящиеся тут же многочисленные музыканты играют на флейтах, бьют в тимпаны и поют боговдохновенные священные песни. Все это происходит вне храма, и никто из участников оргий в него не вступает.

В эти дни многие становятся галлами. В то время, как одни играют на флейтах и справляют оргии, на многих уже находит безумие, и, хотя пришли они сюда только как на зрелище, начинают делать следующее, — расскажу и о том, что они делают: юноша, которому надлежит совершить это, с громким криком сбрасывает свои одежды, выходит на середину и выхватывает меч; мечи эти постоянно находятся там, как я думаю, для этих целей. Оскопив себя мечом, юноша носится по всему городу, держа в руках то, что он отсек. И в какой бы дом он ни забросил это, оттуда он получает женские одежды и украшения. Вот все, что совершается во время оскопления.

Апулей. Метаморфозы, VIII,27—IX,8

Надев пестрые одежды и безобразно размалевав лицо краской грязно-бурого цвета, искусно подведя глаза, выступили они, украсившись женскими повязками и шафрановыми платьями из полотна и шелка; на некоторых были белые туники, поддерживаемые поясами, разрисованные узкими пурпурными полосками, напоминавшими маленькие копыта в полете, ноги обуты в желтые туфли; а изображение богини, закутанное в шелковый покров, водрузили они на меня; сами же, обнажив руки до плеч, несли огромные мечи и секиры и прыгали с криками, возбуждаемые звуками флейты, в бешеном священном танце. Миновали они немало хижин и наконец достигли дома зажиточного хозяина; как только они вступили в него, сейчас же воздох огласился нестройными воплями, и они в иступлении принялись носиться, опустив голову, стремительными движениями поворачивая шею, так что свисающие волосы развевались, образуя круг; некоторые на бегу кусали свои плечи и, наконец, двусторонними ножами, которые при них были, руки себе начали полосовать. Один из них особенно старался: из глубины груди вырывалось у него прерывистое дыхание, и он изображал дикое иступление, словно на него снизошел дух божий, как будто божеское присутствие, вместо того чтобы совершенствовать человека, делает его немощным и больным.

Но смотри, какое вознаграждение заслужил он от небесного провидения! Притворно начал он громогласным вещанием поносить самого себя и обвинять в том, будто он каким-то образом преступил священные законы религии; потом кричит, что должен от собственных рук получить справедливое возмездие. Наконец схватывает бич — своего рода оружие этих полумужчин, одним им свойственное, — сплетенный из полосок лохматой шерсти с длинной бахромой и овечьими косточками различной формы на концах, и прини-

мается наносить себе узелками этими ударами, защищенный от боли необычайным присутствием духа. Можно было видеть, как от порезов мечом и от ударов бичом земля увлажнилась нечистой кровью этих скопцов... Наконец, не то утомясь, не то удовлетворяясь бичеванием, прекратили они кровопролитие и стали собирать и складывать за пазуху, где места было довольно, медные и даже серебряные деньги, которые наперебой протягивали им многочисленные жертвователи; кроме того, дали им бочку вина, молока, сыра, немного муки разных сортов, а некоторые подали и ячменя для носителя богини...

...Священнослужители, пробыв там несколько дней, откормившись за счет общественной щедрости и набив кошельки обильной данью за свои предсказания, придумали новый способ добывать деньги. Установив одно общее прорицание на различные случаи жизни, таким манером дурачили они многих людей, спрашивавших у них совета по самым разнообразным поводам. Прорицание гласило следующее:

Быки в запряжке пашут землю для того,
Чтобы посевам впредь привольно зеленеть.

Случалось ли, что желающие вступить в брак спрашивали совета, они уверяли, что ответ попадет как раз в цель: сопряженные супружеством произведут многочисленное потомство; если запрашивал их человек, собирающийся приобрести имение, то оракул говорил правильно о быках, запряжке и полях с цветущими посевами; хотел ли кто получить божественное указание, беспокоясь насчет предстоящего путешествия, — вот уже готова ему упряжка самых смиренных четвероногих, а посев сулит барыш; добивался ли кто ответа, удачно ли окончится предстоящее сражение или преследование разбойничьей шайки, они утверждали, что прорицание благоприятно и знаменует полную победу, так как головы врагов склонятся под ярмо и будет захвачена обильная и богатая добыча. Этим мошенническим прорицанием вытянули они немало денег.

Фригийские божества (Кибела и Аттис)

Арнобий. Против язычников, V, 5—7

У Тимофея¹⁹, одного из небезизвестных теологов, также у других, столь же ученых, находится следующее указание относительно происхождения Великой Матери богов и ее культа²⁰, заимствованное из мало известных книг о древностях и из таинственных мистерий, как он сам пишет и сообщает. В пределах Фригии, говорит он, есть некоторая неслыханной величины

¹⁹ Известно несколько авторов по имени Тимофей. Возможно, здесь имеется в виду элевсинский жрец, живший в IV в. до н.э.

²⁰ Подобного рода сообщения, с некоторыми вариациями, о Великой Матери богов или Кибеле и ее культе с относящимися к нему мифами встречаются также у Павсания, Страбона, Овидия и других древних писателей.

скала, называемая *Agdus*, названная так туземцами той страны. Согласно с повелением прорицавшей Фемиды, Девкалион и Пирра бросали на землю, не имевшую людей, камни, взятые из этой [скалы], и из них вместе с другими также произошла и была одушевлена божественной силой называемая Великой Матерью. Когда она на самой вершине скалы предавалась покою и сну, Юпитер воспламенился к ней позорной нечистой страстью, и так как после продолжительной борьбы он не мог достигнуть того, к чему стремился, то, вынужденный отступить, излил свою страсть на камень. Отсюда скала зачала и, после предварительных многочисленных мычаний, родился на десятом месяце Агдестис, названный по имени матери. Он обладал непреодолимой силой, неукротимой лютостью, безумной, неистовой страстью к обоим полам и склонностью насильственно похищать, разрушать и уничтожить то, на что направлялась его жестокость; он не обращал внимания ни на богов, ни на людей, и был уверен, что кроме него нет ничего более могущественного на земле, небе и звездах.

Так как в совете богов часто возникал вопрос о том, каким образом можно было бы обуздать или прекратить дерзость его и так как другие оставались в нерешительности, то заботу о выполнении этой задачи принял на себя Либер. Он влил большое количество крепкого вина в хорошо знакомый ему источник, в котором он обыкновенно охлаждал жар и утолял жажду, возбуждавшиеся играми и охотой. Агдестис прибегает туда, когда ему было необходимо пить, с жадностью глотает питье без надлежащей меры, и, таким образом, происходит то, что он вследствие необычности погружается в глубокий сон. Либер является на место засады, набрасывает петлю из искусно сплетенных крепких волос на ступню ноги, а другую часть прикрепляет к гениталиям. Тот, протрезвившись от опьянения, быстро вскакивает и, натянув ступней петлю, сам собственной силой лишает себя отличий мужского пола. При разрыве членов вытекает большое количество крови, она поглощается и впитывается землей и немедленно из нее вырастает гранатное дерево с плодами. Увидев его и удивляясь его красоте, Нана, дочь царя или реки Сангария, срывает [плод] и кладет его за пазуху; от этого она делается беременной. Отец подвергает ее, как опозоренную, заключению и старается, чтобы она умерла от голода, но Мать богов подкрепляет ее древесными плодами и другой пищей. Рождается дитя, но Сангарий приказывает выбросить его; кто-то, найдя его, берет к себе из-за его красоты, кормит его козлиным молоком, и он получает имя Аттиса или потому, что так в Лидии называются красивые, или потому, что фригийцы называют козлов на своем языке. Его в особенности любила Мать богов за его выдающуюся красоту. Любил его также Агдестис и, когда он подросток, сопровождал его, ухаживая за ним, и, привязав его к себе наименее пристойным, насколько это было только возможно для него, потворством, водил его по лесам и наделял многочисленными дарами из дичи, о которых сначала мальчик Аттис хваст-

ливо говорил, что это плоды его трудов и искусства, но впоследствии, под влиянием вина, он сознался, что его любит Агдестис и награждает лесными дарами; поэтому не дозволяется входить в его святилище тем, которые опочили себя винопитием, выдавшим тайну.

Пессинунтский царь Мидас, желая избавить юношу от столь позорной связи, назначает ему свою дочь в супружество, и чтобы кто-либо неблагоприятным предзнаменованием не нарушил бы радости брачного торжества, приказал запереть город. Но Мать богов, зная судьбу юноши и то, что он среди людей будет пользоваться благополучием до тех пор, пока будет свободен от брачного союза, входит, чтобы не случилось какое-либо несчастье, в запертый город, приподняв стены его головой, которая вследствие этого стала окружаться башнями²¹. Агдестис, пылая гневом по причине того, что от него оторван юноша и устранен для любви к жене, приводит всех пирующих в состояние иступления и бешенства, фригийцы в испуге поднимают крик: «Должно молиться богу»); Галл²² отрезает у себя [гениталии], дочь метрессы — груди; Аттис берет флейту, которую он употреблял для возбуждения безумия, и сам, пришедши в иступление, неистово мечется, падает на землю и под сосной оскопляет себя, говоря: «Вот тебе, Агдестис, то, из-за чего ты причинил столько ужасных бед». Вместе с истечением крови исчезает жизнь. Но Великая Мать богов собирает отрезанные части и засыпает их землей, предварительно покрыв и обернув их одеждой умершего. Из истекшей крови вырастает цветок, фиалка, и обвивает дерево: отсюда произошел и доселе существует обычай покрывать и увенчивать священные сосны. Девица, которая была невестой и которая, как пишет понтифик Валерий²³, называлась Ия (Ia), покрывает грудь умершего мягкой шерстью, оплакивает его вместе с Агдестисом и умерщвляет себя; кровь погибшей превращается в пурпуровые фиалки. Мать богов погребают также Ию, откуда вырастает миндальное дерево, указывающее на горечь смерти. После того она относит ту сосну, под которой Аттис оскопил себя, в свой грот и, соединившись в плаче с Агдестисом, бьет себя и наносит себе раны в грудь около ствола дерева, остающегося неподвижным. Агдестис просил Юпитера, чтобы Аттис снова был живым, но тот не согласился, однако он без труда позволил то, что было возможно по определению судьбы: чтобы тело его не разлагалось, чтобы волосы всегда росли и чтобы один только малый палец оставался живым и всегда сохранял способность движения. Удовлетворившись этими милостями, Агдестис объявил божественным тело его в Пессинунте и установил в честь его ежегодные празднества и главных жрецов.

²¹ Кибела (Мать богов) часто изображалась в короне, составленной из башен или имевшей вид крепостной стены.

²² Галлы — жрецы Кибелы.

²³ Возможно, Валерий Флакк (I в. н.э.).

Тит Ливий. История Рима. XXIX, 10—14

Граждане в это время внезапно исполнились благочестия. В Сивиллиных книгах²⁴ (к которым обратились из-за того, что в этом году слишком часто шел каменный дождь) нашли предсказание: когда бы какой бы чужеземец-враг ни вступил на италийскую землю, его изгонят и победят, если привезут из Пессинунта в Рим Идейскую Матерь... И вот, чтобы скорее пришла победа, предвещаемая всеми знаменами и оракулами, римляне раздумывают, каким же образом перевезти богиню в Рим.

Ни один город в Азии еще не был тогда союзником римского народа; вспомнили, однако, что когда-то из Греции, с которой еще не было никаких союзнических связей, призвали Эскулапа исцелить римский народ²⁵; теперь же по причине общей войны с Филиппом завязалась дружба с царем Атталом²⁶; Аттал сделает для римского народа, что сможет. Назначили к нему посольство...

Послы по дороге в Азию высадились в Дельфах спросить оракула: выполнят ли они поручение, с которым их послали из дому, осуществятся ли их и римского народа надежды? Им, как рассказывают, было отвечено: с помощью царя Аттала они получают желаемое, а когда привезут богиню в Рим, пусть позаботятся, чтобы ее принял лучший человек Рима. Послы пришли к Пергам к царю. Он ласково встретил их, проводил во Фригию в Пессинунт, вручил им священный камень, который местные жители считали Матерью богов, и распорядился отвезти его в Рим. Отправленный вперед Марк Валерий Фальтон сообщил, что богиню везут и надо найти лучшего в городе человека, который бы ее должным образом принял...

Сенаторы ломали голову: кто этот лучший человек в Риме? Всякий предпочел бы это имя любой власти, всем почестям от сената или народа. Решили, что лучший человек во всем Городе — Публий Сципион, сын Гнея, павшего в Испании, юноша, еще даже не квестор. Какие его достоинства побудили сенат принять это решение? Я охотно передал бы потомству мнения писателей, близких по времени тем событиям, но не хочу прерывать повествование собственными догадками о том, что осталось скрытым в глубине древности.

Публию Корнелию было приказано идти вместе со всеми матронами на встречу богине, принять ее, снести на землю и передать матронам. Когда ко-

²⁴ Книги стихотворных пророчеств, появление которых в Риме связывалось со временем седьмого царя Тарквиния Гордого, к ним обращались в критические для государства моменты. Для их толкования была создана специальная коллегия жрецов (см. сноску 27).

²⁵ В 293 г. до н.э. во время эпидемии чумы по указанию Сивиллиных книг в святилище Асклепия (Эскулапа) в Эпидавр было отправлено посольство, которое привезло священную змею бога.

²⁶ Аттал I Сотер — царь Пергамского царства (241–197 гг. до н.э.).

рабль подошел к устью Тибра, Корнелий, как было приказано, вышел на другом корабле в море, принял от жрецов богиню и вынес ее на сушу. Ее приняли первые матроны города; среди них была знаменитая Клавдия Квинта. До того о ней говорили разное, но такое служение богине прославило в потомстве ее целомудрие. Богиню несли на руках посменно; весь город высыпал навстречу; перед дверями домов, мимо которых ее несли, стояли кадила с ладаном; молились, чтобы она вошла в Рим охотно и была милостива к нему. Ее поместили в храме Победы на Палатине накануне апрельских ид; день этот стал праздником. Множество людей несли на Палатин дары; богине был устроен лектистерний и игры; их называли Мегалесийскими.

Аппиан. Война с Ганнибалом, 56

Так как в Риме от Зевса были страшные знамения, десять мужей²⁷, посмотрев Сивиллины книги, сказали, что в Песинунт во Фригии, где фригийцы почитают Матерь богов, на этих днях нечто упадет с неба и что это должно привезти в Рим. Немного времени спустя было дано знать, что там упало изображение богини, и оно было доставлено в Рим. И ныне праздник Матери богов справляется в тот день, в который изображение было тогда привезено. Говорят, что корабль, который вез его, завязнув в иле реки Тибра, никакими средствами не мог быть сдвинут с места, пока, после того как прорицатели сказали, что он пойдет только в том случае, если его потащит женщина, чистая от общения с чужими мужами, Клавдия Квинта, на которой тяготело обвинение в прелюбодеянии, но которая еще не подверглась суду, хотя ее роскошная жизнь и как будто бы вполне подтверждала его, не обратилась к богине с большой молитвой относительно своей невинности и не привязала ленту своего головного убора к кораблю. И богиня последовала. Клавдия, таким образом, вместо позорнейшей славы получила самую лучшую; но римлянами и до случая с Клавдией Сивиллины книги приказали привезти изображение из Фригии руками лучшего у них; они отправили считавшегося тогда лучшим у них Сципиона, прозвищем Насику; это был сын Гнея Сципиона, начальствовавшего в Иберии и павшего в ней, двоюродный брат Сципиона, отнявшего гегемонию у карфагенян и первого прозванного Африканским. Так явилась в Рим богиня, благодаря лучшим мужам и женам.

Лукреций. О природе вещей, II, 601—644

...Парю львов она правит в своей колеснице,

Этим давая понять, что повисла в воздушном пространстве

²⁷ Имеется в виду коллегия десяти для совершения священнодействий (*sacris faciundis*). Главной обязанностью ее членов было следить за Сивиллиными книгами и справляться с ними по решению сената. Изначально она состояла из двух человек, после 367 г. — из десяти (пять патрициев и пять плебеев), в I в. до н.э. была преобразована в коллегия пятнадцати, вероятно, Суллой. Цезарь добавил еще одного члена, но название осталось прежним.

Наша земля, что земля опираться на землю не может.
Львов запрягли потому, что и самые дикие дети
Должны пред силой забот материнских покорно склоняться,
Голову ей увенчали венком крепостным, указуя,
Что защищает она города на местах неприступных.
В этом уборе теперь проносят по целому свету,
Ужас вселяя везде, божественной матери образ.
Люди различных племён по старинным священным заветам
«Мать Идея» её именуют и толпы фригийцев
В свиту дают ей затем, что из того края впервые
Злаки расти на земле, по преданию, начали всюду.
Галлы сопутствуют ей, указание этим давая,
Что, оскорбив божество материнское и непочтенье
Выказав к родшим, никто не должен считаться достойным,
Чтобы на свет породить поколенья живого потомства.
Бубны тугие гудят в их руках и пустые кимвалы,
Хриплые звуки рогов оглашают окрестности грозно,
Ритмом фригийским сердца возбуждает долблёная флейта:
Свита предносит ножи — необузданной ярости знаки,
Дабы сердца и умы толпы нечестивой повергнуть
В ужас священный и страх перед мощною волей богини,
Лишь колесница её в городах появилась обширных,
И одаряет она, безмолвная, благами смертных,
Путь перед ней серебром устилает и медной монетой
Щедрой рукою народ, и сыплются розы обильно,
Снежным покровом цветов осеняя богиню и свиту,
Вооружённый отряд, которому греки Куретов
Имя фригийских дают, играя оружием острым,
Тут же пускается в пляс, опьянённый пролитую кровью,
Страшно при этом трясая косматыми гребнями шлемов;
Изображают они Диктейских Куретов, на Крите
Зевса младенческий крик заглушавших, коль верить преданью,
Вместе с детьми, что вокруг дитяти в стремительной пляске
Мчались и медью о медь, кружась, ударяли размерно,
Чтобы ребёнка Сатурн не настиг прожорливой пастью
И не поранил бы тем материнского сердца навеки.
Вот потому-то Великую Мать провожают с оружием.
Или хотят указать, что оружием люди отважно
Отчую землю должны защищать по веленью богини
И для родителей быть и опорой надёжной и славой.
Как ни прекрасны и стройны чудесные эти преданья,
Правдоподобия в них, однако же, нет никакого.

Пруденций. О венцах мучеников. X, 1011—1050.

Верховный жрец под землю погружается,
Спустившись в яму — ради освящения,
В повязке белой, с двух сторон свисающей,
В златом венце, вплетенном сложно в волосы,
В шелковой тоге и в габинском поясе.

Помост дощатый сверху настиляется
Широкощельный, с досками скрепленными.
В них прорубают и сверлят отверстия,
И так окошек много получается,
Пускай и небольших, но проникаемых.

Косматый, хмурый бык туда приводится,
Увитый вязеницами цветочными,
Рога переплетающими грозные.
Лоб, как у жертвы, весь мерцает золотом,
Блестящие пластинки украшают шерсть.

Он приведен для жертвоприношения.
Охотничьим копьем пронзают грудь его;
Из раны хлещет кровь волной кипящею,
И на помост дощатый изливается
Поток широкий, теплотой дымящийся.

Тогда через отверстия проливается
Смердящий ливень, окропляя все внутри.
И, стоя в яме, жрец приемлет этот дождь
Под капли жижи подставляя голову,
И одеянья пышные, и тело все.

И орошает щеки, запрокинув лик,
И заливает ноздри, ушеса, уста.
И даже очи спрятать не пытается,
Язык и нёбо, не щадя, кропит дождем,
Пока всем телом кровь не выпьет черную.

Когда же кровь иссякнет, и потащат прочь
Фламины труп быка с помоста ровного,
На свет тогда понтифик выбирается,
Ужасный видом, весь в крови густеющей,
Повязки влажны, платье словно пьяное.

Его, запятнанного нечистотами,
Всего в грязи и жижке свежепролитой,
Все поздравляют, чувствуя торжественно,
За то, что мертвый бык премногой кровию
Омыл его, скрывавшегося в подполе.

CIL VI, 30973. Штаерман, 303

Манию Поблицию Гилару, жемчужнику, коллегия дендрофоров великой Идейской Матери богов и Аттиса, несменяемому квинквенналу за его многочисленные благодеяния коллегии, за которые ему по их постановлению поставлена статуя.

CIL, X, 3698. Штаерман, 1287

В консульство Марка Магрия Басса и Луция Рагония Квинтиана, в календы июня, в Кумах, в храме божественного Веспасиана, в совете декурионов, который собрали Марк Маллоний Ундан и Квинт Клавдий Ацилиан, преторы; при написании присутствовали вышедшие по жребию Целий Панних, Курций Вотив, Консидий Фелициан; по докладу преторов об избрании жреца Байской Матери богов на место Рестигута, умершего жреца, все постановили избрать жрецом Лициния Секунда. — Квиндецимвиры священнодействий приветствуют преторов и магистратов Кум. Так как из вашего письма мы узнали, что вы выбрали жрецом матери богов Лициния Секунда на место умершего Клавдия Рестигута, мы, согласно вашей воле, дозволяем ему пользоваться, но лишь в пределах вашей колонии, браслетом и венком. Желаем вам доброго здоровья. Понтий Гавий Максим, промагистр, подписал за 16 дней до календ сентября в консульство Марка Умбрия Прима и Тита Флавия Целиана.

Митраизм

Плутарх. Помпей, 24.

Сами пираты справляли в Олимпе²⁸ странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими...

Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 46. Пер.

Одни полагают, что есть два бога, творящих добро и зло и подобных соперничающим ремесленникам, а иные благого называют богом, а другого — демоном, как, например, маг Зороастр, который, как рассказывают, жил за пять тысяч лет до Троянской войны. Он называет одно божество Гормадзом, другое — Ариманием и указывает, что из всего чувственного пер-

28 Город в Ликии, который в I в. до н.э. стал опорной базой пиратов и взят штурмом Помпеем Великим.

вый более всего подобен свету, а второй — мраку и неведению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником.

Юстин Философ. Диалог с Трифоном иудеем, 70

Совершающие мистерии Митры говорят, что он родился от камня, и место, где они посвящают верующих в него, называют пещерой.

Тертуллиан. О прескрипции против еретиков, 40

И если я еще помню, Митра чертит там [т.е. в царстве дьявола] знаки на лбах своих воинов, празднует он и приношение хлеба, представляет образ воскресения и под мечом уносит венок. Что же еще? Ведь и первосвященнику своему он установил единобрачие; у него есть девственницы, есть и аскеты.

Ориген. Против Цельса, VI, 21—23

(Христиане говорят) о семи небесах; (и здесь они напутали, прочитав, что), по словам Платона, путь душ на землю и с земли лежит через планеты. На это же намекает учение персов и мистерия Митры, имеющаяся у них. В этой мистерии дается символ двоякого движения в небе — движения неподвижных звезд и планет и прохождения душ через них. А символ этот таков: семивратная лестница и над ней восьмые ворота. Первые ворота из свинца, вторые из олова, третьи из меди, четвертые из железа, пятые из смешанного металла, шестые из серебра, а седьмые из золота. Первые (ворота) они посвящают Кроносу, видя в свинце признак медлительности этого светила, вторые — Афродите, сравнивая с ней блеск и мягкость олова, третьи «с медным порогом», крепкие — Зевсу, четвертые — Гермесу, так как и железо и Гермес выносят всякую работу, деятельны и работоспособны, пятые, неровные и переменные вследствие смешения, — Аресу, шестые, серебряные, — Луне, седьмые, золотые, — Солнцу, которое они напоминают цветом. (Причина) такого расположения планет — в том, что оно выражается символически в наименованиях прочей материи и что персидская теология (оперирует с) музыкальными понятиями. (На этом основании христиане преподносят) интересующимся глупым слушателям и рабам (учение) о семи небесах, заимствованное у персов или у кабиров.

Порфирий. О пещере нимф, 5—6; 15—16

Пещеры и гроты древние, как подобало, посвящали космосу... По словам Евбула, Зороастр впервые посвятил творцу и отцу всего, Митре, естественный грот в горах вблизи Персиды, цветущий и богатый источниками, так как грот был для него образом космоса, созданного Митрой. А находив-

шееся внутри грота и расположенное там в определенном порядке имело значение символов космических стихий и стран света. После Зороастра и все другие имели обыкновение совершать мистерии в гротах и пещерах, как в естественных, так и в искусственных.

Теологи пользуются медом для многих различных символов, ввиду множества заключенных в нем возможностей, так как мед обладает и очистительной и охранительной силой. . . Медом очищают также язык от всего греховного. Когда Персу²⁹, хранителю плодов, подают мед, в этот символ вкладывают указание на охранительную силу меда.

Иероним Стридонский. Письмо 107,2

За несколько лет перед этим ваш же родственник, Гракх, самым именем говорящий о благородстве и патрицианстве, будучи римским префектом, не разрушил ли, не разорил ли и не разбросал ли пещеру Митры со всеми чудовищными истуканами, посвященными Гонцу, Нимфе, Воину, Льву, Персу, бегуну Солнца, Отцу и, этим представив как бы некоторое предварительное ручательство, не испросил ли крещения Христова?

Писатели Истории Августов. Коммод, 6

Священнодействия в честь Митры он (Коммод) запятнал настоящим челоуекоубийством, тогда как обычно там только говорится или изображается что-либо способное вызвать страх.

Сократ Схоластик. Церковная история, III, 2

В великой Александрии случилось возмущение по следующей причине. В этом городе было одно место, с давних времен запустевшее, брошенное и наполненное множеством нечистот. Там в древности язычники, при совершении таинств богини Митры, закалывали в жертву людей. Это место, как никому не принадлежавшее, Констанций еще задолго пред сим подарил александрийской церкви. Георгий³⁰ вознамерился построить на нем молитвенный дом и для того приказал очистить его. Когда же стали очищать, то на великой глубине открыли священную пещеру, в которой совершаемы были языческие таинства. Здесь нашлось множество черепов людей молодых и старых, которые, как гласило предание, были умерщвлены давно, когда еще язычники гадали по внутренностям и приносили волшебные жертвы, чародействуя над человеческими душами. Нашедшие это в пещере Митры христиане нарочито старались выставить языческие таинства всем на посмешище и, с торжеством ходя по городу, показывали народу голые черепа. Видя это и не могли перенести позора, александрийские язычники воспламенились гневом, схватили, какое случилось, оружие и, напад

²⁹ Имеется в виду степень посвящения.

³⁰ Епископ-арианин Георгий Каппадокийский.

на христиан, умертвили многих различным образом; одних убили мечами, других кольями или камнями, иных удавили веревками, некоторых распяли, употребив этот род смерти для посмеяния над крестом, а многим нанесли смертельные раны. Причем, как обыкновенно бывает в подобных случаях, не щадили и ближайших родственников: друг поражал друга, брат брата, родители детей, все стремились к убийству. Вследствие сего христиане отказались от своего намерения — очистить пещеру Митры, а язычники, вытащив Георгия из церкви, привязали его к верблюду, терзали и потом сожгли вместе с верблюдом.

CIL VI, 718. Штаерман, 97

Алцим, раб-вилик Тиберия Клавдия Ливиана, исполнил обет [и] принес дар Солнцу Митре.

CIL V, 808. Штаерман, 173

Непобедимому богу Митре Флавий Эксуперат, участник очищения [земли] Флавием Сабином, примипилиарием, Элий Север, участник при очищении [земли] Аврелием Флавием примипилиарием, знаменосец IV Флавиева легиона, Благочестивого, Верного, Антонинова, Валерий Валент, знаменосец XIII легиона, Близнеца, очиститель [земли] Аврелий Зенон, примипилиарий, исполнили обет.

Отношение к восточным культам в Риме

Плутарх. Об Исиде и Осирисе

20. Таково примерно главное содержание мифа, если опустить предсудительные истории, например, рассказ о растерзанном Горе и обезглавленной Исиде. Когда такое говорят и так учат о природе вечной и бессмертной, в которой более всего познается божество, как будто воистину такое случилось и происходило, тогда, как говорит Эсхил, «надо плюнуть и очистить рот». Но об этом тебе нисколько не стоит напоминать. И сама ты негодуешь на тех, кто придерживается такого беззаконного и варварского учения о богах. Но ты также знаешь, что не совсем похоже все это на убогие рассказы и пустые фантазии поэтов и логографов, которые, как пауки, сплетают и тянут порожденную из себя произвольную основу, но что есть здесь отголоски рассказов и преданий о бывших событиях. И как математики говорят, что радуга — это отражение солнца, расцвеченное преломлением взгляда в облаке, так и миф у нас — изображение некоего понятия, переводящего мысль на другое; на это намекают обряды, содержащие траур и тем выражающие скорбь, а также устройство храмов, частью выходящих в боковые галереи и светлые, открытые коридоры, а частью имеющие под землей тайные темные ризницы, подобные пещерам и ризницам фиванских храмов. Не менее

сложно и учение о гробницах Осириса, тело которого, по преданию, покоится во многих местах. Говорят, что Диохетисом называется тот единственный городок, который владеет настоящим телом; но и в Абидосе чаще всего хоронят богатых и могущественных египтян, потому что они якобы ищут чести лежать в одной земле с телом Осириса. А в Мемфисе выкармливают Аписа, который представляет собой образ его души; там же будто бы покоится и тело. А название города одни толкуют как «пристанище добра», другие по-своему: «гробница Осириса».

Говорят еще, что около Фил есть островок, во всякое иное время нетревожимый и запретный для каждого: и не залетают на него птицы, и не приближается к нему рыба; но в определенный срок жрецы переправляются на него, приносят заупокойные жертвы и украшают венками надгробие, осененное деревом мефиды, которое превосходит размерами лубую оливу.

21. Но хотя в Египте и называют много гробниц Осириса, Эвдокс утверждает, что тело покоится в Бусирисе, потому что этот город был родиной Осириса: ведь не нуждается в объяснении слово Тафосирис — само это имя заключает в себе название гробницы Осириса. А об обрядах рассечения дерева, разрывания льна и заупокойного возлияния я умалчиваю, потому что к ним примешано много сокроуенного. И не только об этих богах, но также обо всех других, не входящих в число нерожденных и бессмертных, жрецы рассказывают, что у них хранятся набальзамированные тела, за которыми ухаживают, а души богов сияют в небе звездами, и что созвездие Исиды, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом, созвездие Гора — Орионом, Тифона — Медведем. Еще рассказывают, что все египтяне приносят предписанные продукты для гробниц почитаемых животных и ничего не дают одни фиванцы, ибо они не чтут никакого подверженного смерти бога, но только того, кого они называют Кнеф³¹, — несотворенного и бессмертного.

22. Так рассказывают и так представляют дело многие, но есть и такие, которые полагают, что все это — воспоминания о великих и удивительных делах и страданиях царей и тиранов, которые за выдающуюся доблесть или могущество приписали себе славу божественного имени и которые затем претерпели от судьбы. Эти люди используют малейшее отступление от рассказа, чтобы благоразумно перенести дурную славу с богов на людей; при этом им помогают сами предания, ибо египтяне рассказывают, что Гермес был короткоруким, Тифон — красным, Гор — белым, а Осирис — темнокожим, как если бы природа их была человеческой. К тому же Осириса именуют полководцем, а Канопу — кормчим, того самого, который, по их словам, дал имя звезде. Судно же, которое эллины называют «Арго» и которое яв-

³¹ Кнеф — имя древнего фиванского бога-змея, чей культ слился с культом Амона.

ляется образом корабля Осириса, якобы почетно помещено среди звезд и не далеко отстоит от созвездий Ориона и Пса, почему египтяне и считают, что первое посвящено Гору, а второе — Исиде.

23. Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид), но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов: ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота чудовищу безбожия и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мессены, который, сам составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Панхоте; а письмена эти, как и должно, не находили ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало.

24. Ведь прославляют в Ассирии великие дела Семирамиды, а в Египте — Сезостриса; а у фригийцев до сих пор блистательные и удивительные деяния называют «маника», потому что у них в древности в числе царей был некий Манес, муж благородный и могущественный, коего некоторые называют Масдесом³². Победителями и почти до края света провел персов Кир, македонян — Александр, однако они стяжали имя и память добрых царей. Если же некоторые, вознесшись в кичливости и, как говорит Платон³³, разжигая в гордыне душу юным жаром и неразумием, приняли имена богов и настроили храмы, то слава их процветала короткое время, а затем они, стяжав себе своим кощунством и беззаконием суетную хвалу, «недолговечные, подобные дыму, поднимаются и исчезают»³⁴ и теперь, как преступные наглецы, изгоняются из храмов и от алтарей и ничего не имеют, кроме могил и памятников. Поэтому Антигон Старший, когда некий Гермодот провозгласил его в стихах сыном солнца и богом, сказал: «а раб, выносящий за мной горшки, так обо мне не думает». И справедливо скульптор Лисипп порицал художника Апеллеса за то, что тот, создавая портрет Александра, дал ему в руки молнию, тогда как сам Лисипп — копье, славу которого, как вещи настоящей и принадлежавшей Александру, не уничтожит никакое время.

25. Однако лучше всего суждение тех, кто пишет, что история о Тифоне, Осирисе и Исиде касаются страданий не богов или людей, но великих де-

³² Манес — мифический царь лидийцев или фригийцев. Геродот., I 94; IV 45.

³³ Законы, 716а (неточная цитата).

³⁴ Фрагмент Эмпедокла.

монов, о которых Платон³⁵, Пифагор, Ксенократ³⁶ и Хрисипп³⁷, следуя древним толкователям божественного, рассказывают, что они были сильнее людей и мощью намного превосходили нашу природу, но не обладали божественным естеством в чистом и беспримесном виде; напротив, так как их естество причастно к природе души и ощущениям тела и воспринимает наслаждение и боль, то их тревожат все несчастья, происходящие при таких переходах, — одних больше, других меньше. Так же у демонов, как и у людей, существует различие между добродетелью и пороком. Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона, и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Диониса, и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь. То же можно сказать и о том, что скрыто в священных мистериях и обрядах и сохраняется от глаз и ушей толпы.

26. Читали мы и у Гомера, как благородных людей он всякий раз именуется по-разному: и «богоподобными», и «богоравными», и «умудренными богами», а сравнение с демонами употребляет равно и для людей достойных, и для дурных: «Ближе подойди, подобный демону: зачем наводишь ты такой страх на аргивян?»³⁸. И опять: «Но в четвертый он раз еще полетевши, как демон...»³⁹. А также: «Демон! Старец Приам и Приамовы чада какое зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь град Илион истребить, благолепную смертных обитель»⁴⁰.

Таким образом, природа и естество демонов разнородны и неодинаковы. Поэтому Платон правую сторону и нечетные числа относит к олимпийским богам, а все противоположное — к демонам⁴¹. Ксенократ же полагает, что несчастливые дни и те печальные празднества, которые предписывают бичевание, плач, пост, поношения и сквернословие, не устраиваются ни в честь богов, ни в честь добрых демонов, но что есть в окружающем пространстве огромные и злобные, своенравные и мрачные существа, которые радуются таким вещам и, получив их, не вмешиваются ни во что. А Гесиод добрых и благородных демонов величает «священными», «защитой людей», и «приносящими богатство», и «имеющими царские почести»⁴². Пла-

³⁵ Пир, 202e.

³⁶ Ксенократ Халкидонский (396–314 гг. до н.э.) — ученик Платона, второй схоляр Академии.

³⁷ Хрисипп (около 280–207 гг. до н.э.) — философ-стоик, ученик и преемник Клеанфа, третий схолярх стоической школы.

³⁸ Гомер. Илиада, XIII, 810.

³⁹ Гомер. Илиада, V, 438; XVI, 705; XX, 447.

⁴⁰ Гомер. Илиада, IV, 31.

⁴¹ Платон. Законы, 717b.

⁴² Гесиод. Труды и дни, 122; 126.

тон же называет этот род пророками и посредниками между богами и людьми и говорит, что они относят на небо молитвы и просьбы людей, а оттуда вниз приносят пророчества и благие дары⁴³.

Эмпедокл говорит, что демоны претерпевают наказания, если они провинились или ошиблись:

«Ярость эфира гонит их в море.
Море изрыгает на твердь,
Земля — в жар неугасимого солнца.
А оно — в эфирный вихрь.
Один принимает от другого.
Но всех ненавидят», —

и так до тех пор, пока, претерпев наказание и очистившись, они не занимают место и строй в соответствии со своей природой.

Ориген. Против Цельса. Введение

Варвары способны создавать учения, (но) судить о созданных варварами (учениях), совершенствовать их и развивать в сторону добродетели лучше других способны (лишь) эллины.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 3

В Риме жила некая знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подсланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так что обещал за единожды дозволенное сношение с нею заплатить ей целых 200 000 аттических драхм. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки [неудовлетворенной] любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет и озабоченная его решением покончить с собою, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет

⁴³ Платон. Пир, 202e.

достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиною. Подбрав таким образом Мунда и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не тою дорогою, какую пошел он, так как видела, что той женщины за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к культу Исиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам [Исиды] для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни, и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычайности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более, что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встретилась с Мундом, который сказал ей: «Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и прикрылся названием Анубиса». С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее [немедленно] сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиберий приговорил к приговождению к кресту их и Иду, которая была виновницею всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиною. Затем он велел разрушить храм Исиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение. Таковы были позорные поступки жрецов храма Исиды.

Лукиан, «Пир богов»

Мом: ...Но Аттис, о Зевс, но Корибант и Сабазий, — откуда они приведены к нам вместе с этим мидийцем Митрой, в персидской одежде и с тиарой, даже не говорящим по-гречески, не понимающим, когда пьют за его здоровье? Недаром скифы и геты, увидев такие дела, распрощались с нами и кого хотят делают бессмертными и выбирают в боги; вписался же в наши ряды и раб Замолксис, не знаю уж как сюда пробравшись... Но это еще что, боги! Ты же, египтянин с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — ты кто таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом? И почему пятнистому быку из Мемфиса воздаются почести, почему вещает он, окруженный пророками? Уж об ибисах, обезьянах и многом другом, еще более нелепом, что неизвестно как проползло к нам из Египта и заполнило все небо, мне и говорить стыдно. О боги, как вы все терпите, что им поклоняются в равной мере или даже больше, чем вам? Как терпишь ты, Зевс, бараньи рога, которые выросли у тебя?

Зевс: Действительно, ты рассказываешь постыдные вещи о египтянах; но все же многое здесь — тайны, над которыми не следует смеяться непосвященному.

Мом: Конечно, без тайных учений нам не понять, что боги суть боги, а павианы — павианы!

Зевс: Довольно о египтянах, говорю я тебе; в другой раз обсудим это на досуге. Ты же рассказывай об остальных.

Религия женщин

Ювенал. Сатиры, VI, 512—591

...Исступленной Беллоны

Хор приглашает она иль Кибелы, — приходит огромный
Полумужик, что в почете у меньшей брати бесстыдной,
С давних времен оскопивший себя черепком заостренным;
Хриплая свита дает ему путь, отступают тимпаны.
Толстые щеки его — под завязкой фригийской тиары;
Важно кричит он, велит сентября опасаться и Австра⁴⁴,
Если она не пожертвует сотню яиц в очищенье.
И самому не отдаст багряниц поношенных, дабы
Все, что внезапной и тяжелой опасностью ей угрожает,
В эти одежды ушло, принося искупление за год.
Ради того и зимой через лед нырнет она в реку,
Трижды поутру в Тибр окунется, на самых стремнинах
Голову вымоет в страхе — и голая, с дрожью в коленях,

⁴⁴ Австр — бог влажного южного ветра.

В кровь исцарапанных, переползет все Марсово поле
(Гордого поле царя); прикажет ей белая Ио⁴⁵ —
Вплоть до Египта пойдет и воду от знойной Мерои⁴⁶,
Взяв, принесет, чтобы ей окропить богини Исиды
Храм, — возвышается он по соседству с древней овчарней:
Верит она, что богиня сама насылает внушенья;
Будто с ее-то душой и умом не беседуют боги!
Вот почему наивысший почет особенно имеет
Тот, кто в плешивой толпе, разодетый в льняные одежды,
Ходит Анубисом-псом⁴⁷, глумясь над поникшим народом;
Молится он о жене, что нередко была неводержжна
В совокупленье на праздничный день или на день запретный:
Тяжкая кара грозит за попрание брачного ложа, —
Кажется, точно серебряный змей шевельнул головою
Слезы жреца и заученный шепот приводят к тому, что
Женщины грех отпустить согласится Осирис, — конечно,
Жирным гусем соблазненный и тонкого вкуса пирожным.
Этот уйти не успел, как еврейка-старуха, оставив
Сено свое и корзину, нашепчет ей на ухо тайны,
Клянча подачку, — толмач иерусалимских законов,
Жрица великая древа и верная вестница неба;
Будет подачка и ей, но поменьше: торгуют евреи
Бреднями всякого рода за самую низкую плату.
Вот из Армении иль Коммагены гадатель посмотрит
В легкие теплой голубки — и милого друга сулит ей,
Смерть богача холостого и крупные деньги в наследство;
Перекопает он груди у кур и нутро собачонки,
Даже иной раз младенца, — и сам же доносит на жертвы.
Большая вера халдеям: чего ни наскажет астролог, —
Жены поверят, что это вещает источник Аммона,
Раз уж Дельфийский оракул умолк; а роду людскому
Лестно в грядущую тьму заглянуть, насколько возможно.
Выше всех ценится тот, кого несколько раз выслали,
Чье дружелюбие и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушившего ужас Отону,

⁴⁵ Ио — жрица богини Геры, пленившая своей красотой Зевса, была превращена Герой в белоснежную корову. Иногда она отождествлялась с богиней Исидой.

⁴⁶ Мероя (Мерое) — столица Кушанского царства и важный культовый центр. Располагалась на восточном берегу Нила (территория современного Судан).

⁴⁷ Анубис — древнеегипетский бог с телом человека и головой шакала, проводник душ умерших в загробный мир. В мистериях и религиозных процессиях часто использовалась маска Анубиса в виде шакальей или собачей головы.

Верят искусству его, хотя б кандалами гремел он
Справа и слева, хотя б сидел он в остроге военном.
Неосужденный астролог совсем не имеет успеха:
Гений лишь тот, кто едва не погиб, попав на Циклады⁴⁸
В ссылку, кто, наконец, избегнул теснины Серифа⁴⁹.
Спросит его и о медленной смерти желтушной мамыши,
И о тебе Танаквила твоя, да скоро ли сестры,
Дяди помрут, да любовник ее — проживет ли он дольше,
Чем Танаквила сама; чего еще боги даруют?
Впрочем, иные не знают, чем мрачный Сатурн угрожает
Или в каком сочетании звезд благосклонна Венера,
Месяц к убытку какой, какое к прибыли время.
Не забывай избегать даже встречи с женщиной, если
Виден в руках у нее календарь, что лоснится, как будто
Жирный янтарь: уж она у других не попросит совета, —
Спросят ее самое; она не пойдет с своим мужем
В лагерь, домой: не пускают ее вычисленья Трасилла⁵⁰.
Если захочется ей хоть до первого камня доехать, —
Время берется по книге, а если зачешется веко,
Мази попросит она, посоветовавшись с гороскопом.
Если больная лежит, то часы для принятия пищи
Выберет только такие, которые дал Петосирис⁵¹.
Если она небогата, она, пробежавши пространство
Между столбами, отдаст свой жребий, и руку протянет,
И предоставит лицо — прорицателю: любит он чмокать.
Тем, кто богаты, тем авгур фригийский дает разъясненья,
Или индус нанятой, что сведущ и в небе и в звездах,
Или этрусский старик, что молнии в Риме хоронит.
Жребий плебеек сокрыт на окраинах города, в цирке:
Женщины эти, надев золотую цепочку на шею,
Возле столбов цирковых и колонн с дельфином гадают,
Бросить кабатчика ль им да пойти за старьевщика замуж.

⁴⁸ Кикладские острова в Эгейском море были местом ссылки.

⁴⁹ Сериф — остров в южной части Эгейского моря, легендарная родина Персея. На острове были месторождения железной руды, к работе на которых приговаривались преступники.

⁵⁰ Трасилл (Фрасилл) — римский астролог I в. н.э., придворный предсказатель императоров Тиберия и Калигулы.

⁵¹ Петосирис — легендарный египетский мудрец, которому приписывались астрологические сочинения.

Религия низших классов и повседневная религиозность

CIL V, 2803. Штаерман, 63

Я, управитель казны когда-то, теперь земледелец,
Этот участок тебе я посвящаю, Приап.
Коль благочестно, святой договор заключаю за это:
Ты неусыпным, прошу, стражем землицы пребудь.
Если какой негодяй именьце наше попортит,
Ты ... но смолкаю: ведь сам знаешь, что будет потом.

CIL XII, 103. Штаерман, 131

Сильван, святым полузакрытый ясенем,
И страж верховный садика высокого,
Тебя мы славим здесь стихами этими
За то, что в поле и в горах алпийских нам —
Гостям твоей блгоуханной рощи — ты
Всегда благой хранитель в дни, когда вершу
Я суд и ведаю именьем цезарей.
Меня с моими ты верни обратно в Рим,
Заступник будь в именьях италических нам,
И тысячу деревьев посвящу тебе.
Тита Помпония Виктора Прокуратора Августов

CIL IX, 3375. Штаерман 712

Посвящено Сильвану. Атений, отпущенник... Латерана, прокуратор, и Евтих, управляющий.

Боже великий, Сильван могучий и пастырь святейший,
Ведаешь лес ты на Иде-горе и лагери римлян,
На сладкозвучной поешь ты свирели, скрепленной воском.
Рядом с тобою поток, убегающий вдаль, протекает,
Легкою влагой Тирин по лугам росистым струится
И серебрится в русле неглубоком блестящей волною,
Нежный, Сильван, кипарис ты держишь, вырванный с корнем.
Здесь помоги мне, святой, и будь божеством благосклонным,
Помня о том, что тебе я поставил алтарь с изваяньем.
Благополучия ради господ я все это сделал
И о себе и своих умолял. Ты, блаженно живущий,
Помня о долге своем, помоги, благой покровитель,
Раз я тебе приношу и на жертвенники возлагаю,

Славный, все то, что тебе я счастлив воздать по обету,
Я, вписавший свое имя на этот алтарь.
Вы же, с успехом дела свои завершив, веселитесь
И отдыхайте, мужи, вперед взирая с надеждой.

CIL VI, 136. Штаерман, 136

Геркулесу Дафн, раб императора Тита Цезаря августа Веспасиана, владеющий пекулием, вилик Педуцейских имений, принес в дар.

CIL XI, 4639. Штаерман 518

За благополучие колонии и совета декурионов и народа Тудера⁵². Юпитеру всеблагому величайшему, стражу-хранителю, за то, что когда из-за чудовищного злодейства подлеишего городского раба имена членов сословия декурионов были преданы проклятию на гробницах, он своей божественной силой их исторг и отомстил, и освободил от страха перед опасностями колонию и граждан. За это исполнил [ему] обет Луций Канкрый Примигений, отпущенник Клементя, сеvir Августал и Флавиал, который первый из всех получил эти почетные должности от совета.

CIL, III, 4298. Штаерман 1364

Посвящено Меркурию вследствие видения. Марк Валерий Марин, ветеран I Вспомогательного легиона благочестивого верного, из знаменосцев, декурион Бригегция, который исполняет должность магистра, охотно исполнил должный обет.

Ditt. Syll. 807, 15 сл. Сер. II в. Ранович 161

Валерию Апру, слепому солдату, бог (Эскулап — А.Р.) дал указание пойти взять кровь белого петуха с медом и растереть в мазь и в течение трех дней мазать его глаза. И он прозрел, и пришел, и всенародно возблагодарил бога.

CIG III 5041. Нубия (Калабмех). II—III в. Ранович 162

Санснос пишет, сын Псеносораписа:
Почитай божественное. Жертвуй всем богам.
В каждый храм входи с молитвою.
Больше всего думай об отечественных (богах) и чти
Изиду, Сераписа, величайших из богов.
Спасителей, благих, благосклонных, благодетелей.

⁵² Город в Умбрии (Италия).

Календарь из Рима. Dessau, 8745. Штаерман 1523

Месяц январь, 31 день, ноны в 5-й день, день длится 9 $\frac{3}{4}$ часов, ночь 14 $\frac{1}{4}$ часов. Солнце в созвездии Козерога. Находится под покровительством Юноны. Болото осушается, рубится ивняк и тростник. Жертвоприношение богам Пенатам.

Месяц февраль, 28 дней, ноны в 5-й день, день длится 10 $\frac{3}{4}$ часов, ночь 13 $\frac{1}{4}$ часов. Солнце в созвездии Водолея. Находится под покровительством Нептуна. Пропалываются посевы, окапываются корни виноградников, сжигается тростник. [Праздники] — паренталии, луперкалии, день встречи родни, терминалии.

Месяц март, 31 день, ноны в 7-й день, день 12 часов, ночь 12 часов, равноденствие за 8 дней до апрельских календ. Солнце в созвездии Рыб. Находится под покровительством Минервы. Во вскопанные мотыгой виноградники вставляются жерди для подвязывания лоз, высеивается [пшеница], созревающая за три месяца. [Праздники] — корабля Исиды, жертвоприношение Мамурию, либералии, квинкватрии, омовение.

Месяц апрель, 30 дней, ноны в 5-й день, день 13 $\frac{1}{2}$ часов, ночь 10 $\frac{1}{2}$ часов. Солнце в созвездии Овна. Находится под покровительством Венеры. Производится ритуальное очищение овец. [Праздники] — фарии [в честь] Исиды, а также сарапии.

Месяц май, 31 день, ноны в 7-й день, день 14 $\frac{1}{2}$ часов, ночь 9 $\frac{1}{2}$ часов. Солнце в созвездии Тельца. Находится под покровительством Аполлона. Пропалываются посевы, стригутся овцы, моется шерсть, приручаются телята, косится кормовая вика, производится ритуальное очищение урожая. Жертвоприношения Меркурию и Флоре.

Месяц июнь, 30 дней, ноны в 5-й день, день 15 часов, ночь 9 часов, солнцестояние за 8 дней до июльских календ. Солнце в созвездии Близнецов. Находится под покровительством Меркурия. Сушка сена, окучиваются виноградники. Жертвоприношения Гераклу и Благосклонной Фортуне.

Месяц июль, 31 день, ноны в 7-й день, день 14 $\frac{1}{2}$ часов, ночь 9 $\frac{1}{2}$ часов. Солнце в созвездии Рака. Находится под покровительством Юпитера. Жатва овса и бобов. Праздники в честь Аполлона и Нептуна.

Месяц август, 31 день, день 13 часов, ночь 11 часов. Солнце в созвездии Льва. Находится под покровительством Цереры. Подготавливается болото, жатва зерновых и пшеницы, сжигается солома. Жертвоприношения Надежде, Здоровью, Диане, вольканалии.

Месяц сентябрь, 30 дней, ноны в 5-й день, день 12 часов, ночь 12 часов, равноденствие за 8 дней до календ октября. Солнце в созвездии Девы находится под покровительством Вулкана. Просмаливаются бочки, собираются яблоки, окапываются деревья. Трапеза Минервы.

Месяц октябрь, 31 день, ноны в 7-й день, день 10 $\frac{1}{2}$ часов, ночь 13 $\frac{1}{2}$ часов. Солнце в созвездии Весов. Находится под покровительством Марса.

Сбор винограда. Жертвоприношение Либеру.

Месяц ноябрь, 30 дней, ноны в 5-й день, день 9 ½ часов, ночь 14 ½ часов. Солнце в созвездии Скорпиона. Находится под покровительством Дианы. Посев пшеницы и ячменя, высаживание молодых деревьев. Трапеза Юпитера, [праздник] находки [Прозерпины].

Месяц декабрь, 31 день, ноны в 5-й день, день 9 часов, ночь 15 часов. Солнце в созвездии Стрельца; находится под покровительством Весты. Начало зимы или зимнее солнцестояние. Унаваживаются виноградники, сеются бобы, рубятся дрова, собираются маслины, а также продаются. Сатурналии.

Новые культы

Лукиан. Александр, или Лжепророк (пер. Н.П. Баранова)

12. Возвратившись спустя долгое время на свою родину при такой театральной обстановке, Александр приобрел известность, прославился и стал предметом удивления. Иногда он изображал из себя одержимого, и из его рта выступала пена, чего он легко достигал, пожевав корень красильного растения струтия. А для присутствующих эта пена казалась чем-то божественным и страшным. Кроме того для них уже давно была изготовлена из тонкого полотна голова змеи, представлявшая некоторое сходство с человеческой. Она была пестро раскрашена, изготовлена очень правдоподобно и раскрывала посредством сплетенных конских волос свою пасть и снова закрывала ее; из ее пасти высовывалось черное, также приводимое в движение посредством волос, раздвоенное жало, вполне напоминавшее змеиное. Змея, приобретенная в Пелле, находилась у Александра и кормилась в его жилище; ей надлежало своевременно появиться и вместе с ним разыгрывать театральное представление, в котором ей была отведена первая роль лицедея.

13. Когда наступило время действовать, вот что было придумано. Ночью Александр пошел к недавно вырытым ямам для закладки основания будущего храма. В них стояла вода, набравшаяся из почвы или от выпавшего дождя. Он положил туда скорлупу гусиного яйца, в которую спрятал только что родившуюся змею, и, зарыв яйцо глубоко в грязь, удалился. На рассвете Александр выбежал на площадь обнаженным, прикрыв свою наготу лишь золотым поясом, держа в руках кривой нож и потрясая развевающимися волосами, как нищие одержимые жрецы Великой матери. Он взобрался на какой-то высокой алтарь и стал произносить речь, поздравляя город со скорым приходом нового бога. Присутствующие — а сбежался почти весь город, с женщинами, старцами и детьми — были поражены, молились и падали ниц. Александр произносил какие-то непонятные слова, вроде еврейских или финикийских, причем привел всех в изумление, так как они ничего не понимали в его речи, кроме имен Аполлона и Асклепия, которых он все время упоминал.

14. Затем обманщик бросился бежать к строящемуся храму; приблизившись к вырытым углублениям и к приготовленному им заранее источнику оракула, он вошел в воду и громким голосом стал петь гимны Аполлону и Асклепию, приглашая бога явиться, принося счастье, в город. Затем Александр попросил чашу и, когда кто-то из присутствующих подал ему сосуд, он погрузил его в воду и без затруднения вытащил вместе с водой и илом яйцо, в котором он заранее спрятал бога, залепив отверстие в скорлупе воском и белилами.

Взяв яйцо в руки, он говорил, что держит самого Асклепия. А собравшиеся внимательно смотрели, ожидая, что произойдет дальше, очень удивленные уже и тем, что в воде нашлось яйцо. Разбив его, Александр взял в руки змейку. Присутствующие, увидев, как она движется и извивается вокруг его пальцев, тотчас же закричали и стали приветствовать бога, поздравляя город с новым счастьем. Каждый жадно молился, прося у бога богатств, изобилия, здоровья и прочих благ. Александр снова отправился домой, неся с собой новорожденного Асклепия, появившегося на свет дважды, а не один раз, как все прочие люди, и рожденного не Коронидой и не вороной, а гусыней. Весь народ следовал за ним, и все были одержимы и сходили с ума от больших надежд.

15. Несколько дней Александр оставался дома, рассчитывая, что под влиянием распространившейся молвы в город сбегится множество пафлагонцев. Так и случилось. Город переполнился людьми, лишенными мозгов и рассудка, совершенно не похожими на людей, питающихся хлебом, и только по виду отличающимися от баранов. Тогда Александр, усевшись на ложе в небольшом помещении, одетый как подобает божеству, взял за пазуху Асклепия из Пеллы, отличавшегося, как я говорил, величиной и красотой. Он обвил змею вокруг своей шеи, выпустив хвост наружу. Змея была так велика, что находилась за пазухой и волочила часть своего тела по земле. Александр скрывал только голову змеи, держа ее подмышкой, что змея спокойно переносила; а из-под своей бороды с другой стороны выставил змеиную головку из полотна, как будто она действительно принадлежала змее, которую все видели.

16. Представь себе теперь небольшое помещение, не очень светлое, так как свет попадал в него в недостаточном количестве, и густую толпу напуганных, заранее объятых трепетом и возбужденных надеждой людей. Входящим, несомненно, казалось чудесным, что из животного, только что родившегося, в течение нескольких дней выросла такая большая змея, к тому же с человеческим лицом и ручная. Посетители толкали друг друга к выходу и, не успев ничего хорошо разглядеть, уходили, теснимые вновь входившими непрерывной толпой. В стене против двери был проделан другой выход, как, судя по рассказам, македоняне сделали в Вавилоне во время болез-

ни Александра, когда он был уже в тяжелом состоянии и стоявшие кругом дворца желали на него взглянуть и сказать ему последнее прости. Говорят, что негодяй устраивал подобные представления не один раз, но весьма часто, особенно когда приезжали новички из богатых людей...

19. И вот, когда пришло время выполнить то, ради чего все эти ухищрения были выдуманы, то есть изрекать желающим оракулы и предсказывать будущее, Александр взял пример с Амфилоха, почитаемого в Киликии. Амфилох после кончины своего отца Амфиарая и исчезновения его в Фивах покинул родной дом. Придя в Киликию, он недурно вышел из затруднительного положения, предсказывая киликийцам будущее и беря за каждое предсказание по два обола. С него-то Александр и взял пример, предупреждая всех приходящих, что бог будет предсказывать в такой-то день.

Александр советовал каждому написать на табличке, что он желает или что он особенно хотел бы знать, затем завязать и запечатать табличку воском, глиной или чем-нибудь вроде этого. Обманщик сам брал таблички и, войдя в святилище (храм был уже воздвигнут, и были приготовлены подмости), объявлял, что будет вызывать по очереди подающих таблички через глашатая и священнослужителя. Он обещал, выслушав ответ бога, вернуть таблички запечатанными, как они были раньше, с приписанным ответом на вопрос, согласно словам бога, отвечавшего на все, о чем бы его ни спросили.

20. Подобная проделка совершенно ясна и сразу понятна для такого человека, как ты или, если не будет нескромностью сказать, как я; для людей же недалеких и глупых это казалось чудом и похожим на что-то необъяснимое. Придумав разнообразные способы снимать печати, Александр прочитывал каждый вопрос и отвечал на него как находил подходящим в данном случае; затем, завязав, запечатывал и отдавал их, к большому удивлению получавших. Часто среди них раздавалось: «И откуда он мог узнать, что я ему передал? Ведь я тщательно запечатал, и печать трудно подделать; конечно, это сделал бог, который все знает в точности».

21. Может быть, ты спросишь, какой способ он придумал для вскрытия табличек; выслушай же меня, чтобы ты в подобных случаях мог уличить виновных в обмане. Первый способ, дорогой Цельс, состоит вот в чем: раскалив иглу и расплавив при помощи ее часть воска, находившуюся под оттиском, он снимал печать и прочитывал таблички. Затем без труда вновь склеивал, расплавив иглой воск как тот, что находился внизу под бечевкой, так и тот, на котором находился самый оттиск. Второй способ заключался в применении так называемого коллирия. Этот состав готовится из бруттейской смолы, асфальта, толченого прозрачного камня, воска и мастики. Составив из всего этого коллирий, разогрев его на огне и смазав печать слюной, он накладывал его и, сняв, получал отпечаток. Когда же он затвердевал,

Александр спокойно распечатывал таблички и читал их. Затем накладывал воск и, приложив коллирий, словно каменную печатку, делал оттиск вполне сходный с прежним. Кроме этих двух способов познакомься и с третьим. Всыпав в камедь, которой склеивают книги, извести и сделав из этого тесто, Александр прикладывал состав еще влажным к печати; затем, сняв, пользовался им как печаткой: состав тотчас же засыхал и становился тверже рога и даже железа. Для этой цели он придумал и многое другое, но нет необходимости припоминать все, чтобы мне не показаться не знающим меры, особенно перед тобой, так как и ты дал много подходящих указаний и в гораздо большем числе в своем сочинении против магов — прекраснейшем труде, полезнейшем и могущем сделать более благоразумными тех, кто с ним познакомится.

22. Александр предсказывал и пророчествовал с большим умением, обладая сверх воображения еще и догадливостью; одним он давал двусмысленные и неопределенные ответы, другим — совершенно невразумительные: ему казалось это вполне подходящим для деятельности пророка. Одних он отговаривал, других побуждал делать, как он находил лучше, соответственно своей догадке. Иным он давал врачебный совет и предписывал вести определенный образ жизни, зная, как я говорил выше, много полезных лекарств. Особенно он любил прописывать «китмиды»: обманщик придумал это название для изготовленного из козьего жира укрепляющего снадобья.

Но божество всегда откладывало до другого раза предсказания об исполнении желаний, об успехах, получении наследства, прибавляя, что «все исполнится, когда я того пожелаю и когда Александр, мой пророк, будет просить и молиться за вас».

23. За каждое прорицание была назначена плата — драхма и два обольа. Не подумай, мой друг, чтобы этот доход был мал или приносил немного: Александр собирал от семидесяти до восьмидесяти тысяч ежегодно, так как люди в своей ненасытности обращались к нему по десяти и пятнадцати раз.

Однако, получая эти доходы, он пользовался ими не один и не откладывал сокровищ, но держал около себя много сотрудников и помощников: соглядатаев, составителей и хранителей изречений, секретарей, лиц, накладывающих печати, и различных толкователей; каждому из них он уделял по заслугам.

24. Иных он отправлял в чужие страны с тем, чтобы они распространяли среди различных народов слух об его оракуле и рассказывали, что бог дает предсказания, находит беглых рабов и воров, указывает грабителей, учит находить клады, исцеляет больных и даже будто воскресил несколько умерших.

Началось отовсюду стечение народа, толкотня, жертвоприношения, дары и подарки в двойном количестве — пророку и ученику бога. Ведь оракул изрек:

Я почитать моего толкователя повелеваю,

Я о богатстве не слишком забочусь, пекусь о пророке.

25. Многие из тех, кто имел разум, придя в себя как будто от глубокого опьянения, восстали против него, в особенности друзья Эпикура. Их оказалось много, и они в разных городах постепенно вскрыли весь его пустой обман и всю театральную обстановку. Тогда Александр устроил для них пугало, говоря, что Понт наполнился безбожниками и христианами, которые дерзают о нем гнусно богохульствовать, и приказывал гнать их камнями, если кто хотел заслужить милость бога. На чей-то вопрос, что делает в Аиде Эпикур, было вынесено такое изречение:

В свинцовых узах враг богов сидит в грязи и смраде.

Слыша эти умные вопросы столь образованных людей, неужели ты станешь удивляться, что слава оракула чрезвычайно возросла? У Александра с Эпикуром велась война без перемирия и глашатаев, и это вполне естественно. С кем же другим с большим основанием мог вести войну обманщик, друг всяких басен о чудесах, ненавистник правды, как не с Эпикуром, исследовавшим природу вещей и единственным человеком, знавшим о ней истину?

Последователи же Платона, Хризиппа и Пифагора были друзьями Александра, и с ними он находился в глубоком мире. Но неприступный Эпикур — так Александр его называл — по справедливости, был его злейшим врагом, так как Эпикур все его ухищрения подвергал смеху и вышучиванию. По этой же причине Александр из всех понтийских городов особенно ненавидел Амастриду, так как знал, что в этом городе много сторонников Лепида и им подобных. И он ни разу не изрек оракула для жителя Амастриды. А когда он решился дать предсказание брату одного сенатора, то потерпел смехотворную неудачу: он не был в состоянии сам сочинить подходящее изречение и не мог найти кого-нибудь, кто бы своевременно это сделал; больной жаловался на боль в желудке, и Александр, желая предписать ему поесть свиной ноги, приготовленной с просвирняком, выразился так:

Тмином в священной квашне пересыпь просвирняк поросенка.

26. Часто, как я говорил раньше, Александр показывал желающим змею, но не целиком, а выставив напоказ туловище и обыкновенно хвост, голову же скрывал от взоров за пазухой. Желая еще более поразить толпу, Александр обещал, что они услышат самого бога говорящим и изрекающим оракулы без помощи толкователя. Для этого он связал высушенные глотки журавлей и очень ловко, без всякого труда, пропустил их сквозь искусственную змеиную голову; на вопросы он отвечал при помощи человека, громко говорившего в эти трубки, стоя снаружи, и голос таким образом исходил из матерчатого Асклепия. Подобные ответы назывались «самоизреченными» и давались не всем без разбора, но лишь людям знатным, богатым и щедрым.

27. Ответ, данный Севериану относительно его похода в Армению, был из числа самоизреченных. Побуждая Севериана к нападению, оракул гла-сил следующее:

Быстрым копьем покорив и парфян, и армян, ты вернешься
В Рим и к прекрасным Тибрида водам в лучезарной повязке.

А когда этот глупый кельт, повинувшись оракулу, сделал нападение и погиб вместе со своим войском от руки Хосроя, Александр изъял данное предсказание из записей и поместил вместо него следующее:

Севериан, воевать не пытайся с армянами. Как бы
Враг твой, одетый, как женщина, в длинное платье, из лука
Гибельный рок не метнул и лишил тебя жизни и света.

28. Александр очень умно придумал давать предсказания задним числом для исправления плохих и ошибочных предсказаний. Часто он предрекал больным перед смертью здоровье, а когда они умирали, была уже наготове противоположная песня:

Помощи более ты не ищи в своей тяжелой болезни,
Ныне гибель твоя очевидна, ее не избежешь.

29. Зная, что прорицатели в Кларосе, Дидимах и Малле были славны в искусстве предсказания, он старался сделать их своими друзьями, отсылая к ним многих из приходивших к нему, с такими словами:

В Кларос теперь же ступай и отца моего там послушай.

Или так:

К храму святому Бранхидов приблизься, внемли изреченью.

Или иногда:

В Малл Амфилохов оракул иди спросить поскорее.

30. Все это происходило в пределах Ионии, Киликии, Пафлагонии и Галатии. Когда же слава оракула перешла в Италию и достигла города римлян, все пришло в движение. Одни отправлялись сами, другие посылали доверенных лиц, в особенности люди наиболее могущественные и имевшие крупное значение в государстве. Из этих людей самым значительным оказался Рутулиан, человек во всех отношениях благородный и честный, занимавший многие государственные должности, но относительно богов тяжело больной: он имел о них самые чудовищные представления. Увидев камень, помазанный маслом и покрытый венками, он готов был тотчас же пасть ниц и надолго остановиться, молясь и прося благополучия.

И вот, едва он услышал об оракуле, как чуть не бросил вверенную ему должность, чтобы полететь в Абонотих. Он посылаел одних доверенных за другими. Посланные же, глупые слуги, легко поддались обману и, возвращаясь, рассказывали действительно виденное и то, что им казалось, будто они видели и слышали, прибавляя еще больше от себя, чтобы угодить свое-

му господину. Они воспламенили воображение несчастного старца и ввергли его в сильнейшее безумие.

31. Будучи другом большинства самых знатных лиц, Рутилиан стал их обходить, передавая донесения своих посланцев, прибавляя часть от себя. Таким-то образом он привел в смятение весь город, наполнил разговорами об оракуле и смутил большинство придворных, которые тотчас, в свою очередь, заторопились узнать что-нибудь и про свою судьбу. Александр принимал приходивших к нему дружелюбно, располагал к себе гостинцами и вообще богатыми подарками. Возвращаясь от него, они были готовы не только возвещать ответ оракула, но и восхвалять бога и рассказывать про оракул и про самого Александра ложные чудеса.

32. Трижды проклятый обманщик выдумал нечто очень умное, достойное незаурядного разбойника. Распечатывая и прочитывая присылаемые таблички и находя что-нибудь опасное и безрассудное в вопросах, он воздерживался отсылать их обратно. Цель его была держать в своей власти отправителей от страха, делая их чуть ли не своими рабами, так как они помнили, о чем спрашивали. Ты понимаешь, какие вопросы, вероятно, задавали ему эти богачи и вельможи. Таким образом он получал от них много подарков, так как они знали, что находятся в его сетях.

Основные тенденции в религиозности II-III вв.

Геродиан. История, книга V.

Была некая женщина по имени Меса, родом финикиянка, из города Финикии, носящего название Эмес, она приходилась сестрой Юлии, жене Севера, матери Антонина. В продолжение всей жизни сестры она прожила много лет, пока Север и Антонин царствовали, в императорском дворце. Этой Месе после смерти ее сестры и убийства Антонина Макрин приказал, возвратившись на родину, проживать у себя, владея всем своим имуществом. Она накопила огромное состояние, так как долгое время содержалась в условиях императорского дворца. Возвратившись, старуха жила в своих владениях. Были у нее две дочери: старшая называлась Соэмия, вторая — Мамея. Были сыновья: у старшей по имени Бассиан, у младшей — Алексиан. Они воспитывались при матерях и при бабушке; Бассиан достиг приблизительно четырнадцати лет, а Алексиану пошел десятый год. Они были посвящены богу Солнца; ведь местные жители поклоняются ему, на финикийском языке называя его Элеагбалом. Воздвигнут ему громадный храм, украшенный большим количеством золота, серебра и роскошными драгоценными камнями. Он почитается не только местными жителями, но и все соседние варварские сатрапы и цари каждый год щедро посылают богу роскошные посвящения. Там нет, как у эллинов или римлян, никакой сделанной руками человека статуи, передающей образ бога; имеется там не-

кий огромный камень, снизу закругленный, кончающийся острием, форма у него конусообразная, цвет же черный. Они торжественно заявляют, что он упал с неба, показывают какие-то незначительные выступы и вмятины от удара; они хотят, чтобы это было нерукотворное изображение солнца — так им хочется видеть. Бассиан, являвшийся жрецом этого бога (ему, как старшему, был вверен культ), выступал, одетый по-варварски, препоясав златотканые хитоны, пурпурные, с рукавами и спускавшиеся до пят, покрыв обе ноги от ногтей до бедер одеждami, также разукрашенными золотом и пурпуром; голову украшал веночек, расцвеченный блеском роскошных драгоценных камней...

Антонин, отправившись из Сирии и прибыв в Никомедию, там зимовал — так требовало время года. Сразу же он предался неистовству и, справляя культ местного бога, в котором он был воспитан, с упоением плясал, одеваясь в самые пышные наряды, украшая себя золочеными пурпурными тканями, ожерельями и браслетами, надев венец в виде тиары, покрытой золотом и драгоценными камнями. Одежда у него была чем-то средним между финикийским священным одеянием и мидийским пышным нарядом. Ко всякой римской и эллинской одежде он испытывал отвращение, говоря, что она сделана из шерсти, вещи дешевой; его удовлетворяли только ткани серов. Он выступал под звуки флейты и тимпанов, якобы священнодействуя в честь бога.

Меса, видя это, сильно огорчалась; настаивая, она пыталась уговорить его, чтобы он переделся в римское платье, раз он готовится вступить в Рим и войти в сенат, чтобы и иноземная и совершенно варварская одежда, когда ее увидят, сразу же не оскорбила увидевших ее, так как они непривычны к ней и думают, что такого рода утонченность к лицу не мужчинам, а женщинам. Он же, презрев речи старухи, не слушаясь никого другого (он ведь ни с кем не соглашался, если только это не были люди одинаковых с ним нравов и льстиво восхвалявшие его проступки), желая и сенат и римский народ приучить к виду такой одежды и в свое отсутствие испытать, как они переносят вид этой одежды, сделал свой огромный портрет во весь рост, каким он являлся, выступая и совершая священнодействия, поставив на картине изображение местного бога, которому он совершал жертвоприношение; послав изображение в Рим, он приказал выставить его в самой середине помещения сената, на самом высоком месте, над головой статуи Победы, которой, сходясь в сенат, каждый сенатор воскуряет ладан и совершает возлияние вином. Он приказал, чтобы все римские должностные лица при совершении каких-либо общественных жертвоприношений прежде других богов, которых они призывают, священнодействуя, называли нового бога Элеагала. Когда же Антонин прибыл в Рим в описанной выше одежде, приученные картиной, римляне не увидели ничего неожиданного. Производя обыч-

ную раздачу народу по случаю наследования императорской власти, щедро и пышно устроив разнообразные зрелища, построив очень большой и прекраснейший храм богу, соорудив вокруг храма большое количество алтарей, он, выходя каждое утро, закалывал и возлагал на алтари гекатомбы быков и огромное число мелкого скота, нагромождая различные благовония и изливая перед алтарями много амфор очень старого превосходного вина, так что неслись потоки вина, смешавшиеся с кровью. Вокруг алтарей он плясал под звуки различных музыкальных инструментов; вместе с ним плясали женщины, его соплеменницы, пробегая вокруг алтарей, неся в руках кимвали и тимпаны; весь сенат и сословие всадников стояли кругом наподобие театра. Внутренности принесенных в жертву животных и благовония в золотых сосудах несли над головой не слуги или какие-нибудь простые люди, а начальники лагерей и ведавшие важнейшими государственными делами; они были одеты в хитоны с пурпурной полосой посередине, спускавшиеся до пят и имевшие рукава по финикийскому обычаю; на них были сандалии, сделанные из льна, как у пророков в тех местах. Он считал, что оказывает величайшую почесть тем, кому он позволяет принимать участие в священнодействии.

В предместье он соорудил очень большой и роскошный храм, в который ежегодно в разгар лета привозил бога. Он затевал разнообразные пиршества; построив ипподромы и театры, он полагал, что увеселяет угощаемый и предающийся празднествам народ конными состязаниями и всякими уладами зрения и слуха в огромном количестве. Поставив самого бога на колесницу, разукрашенную золотом и драгоценными камнями, он вывозил его из города в предместье. Колесницу везла шестерка белых коней, огромных и без единого пятна, украшенных в изобилии золотом и разноцветными бляхами; вожжи никто не держал, и на колесницу не всходил человек, вожжи были наброшены на бога, как будто возничим был он сам. Антонин бежал перед колесницей, отступая перед ней, глядя на бога и держа узду коней; он совершал весь путь, пятясь назад и глядя вперед на бога. Чтобы он не споткнулся и не поскользнулся, не видя, где он ступает, было насыпано много золотого песка, а телохранители с обеих сторон удерживали коней, заботясь о его безопасности во время такого бега. Народ же бежал с обеих сторон, неся разнообразные факелы, бросая венки и цветы; статуи всех богов и все, какие только были пышные или ценные приношения, все императорские знаки и ценные сокровища, а также всадники и все войско предшествовали богу. Привезя и поставив в храме, Антонин совершал описанные выше жертвоприношения и священнодействия; воздвигнув очень большие и высокие башни и взойдя на них, он бросал толпам, позволяя всем расхватывать, золотые и серебряные кубки, разнообразные одежды, ткани и всяких домашних животных, кроме свиней, — от этих последних он, по

обычаю финикийцев, воздерживался. Во время расхватывания многие погибали, растаптываемые другими и натываясь на копья воинов, так что его праздник многим принес горе.

Писатели Истории Августов, Антонин Элагабал

1. ...Был он жрецом Гелиогабала, или Юпитера, или Солнца... Прежде он назывался Варием, а затем Гелиогабалом, потому что был жрецом бога Гелиогабала, которого он привез с собой из Сирии и которому он воздвиг храм на том месте, где раньше был храм Орка⁵³.

3. Как только Гелиогабал вступил в Рим (мы оставим в стороне все то, что делалось в провинциях), он освятил Гелиогабала на Палатинском холме, возле императорского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий, и священные щиты, словом — все, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог Гелиогабал. Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов.

6. ...Он позволил себе обесчестить девы-весталку. Унеся внутреннее хранилище, он надругался над святынями римского народа. Он хотел погасить вечный огонь. Он хотел уничтожить не только римскую религию, но и другие религии на всем земном круге; он стремился к единой цели — чтобы повсюду поклонялись богу Гелиогабалу. Оскверненный всякой нравственной грязью, он вместе с теми, кто его осквернял, ворвался в святая святых Весты, куда имеют доступ только девы-весталки и понтифики. Он попытался унести священное внутреннее хранилище; схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая дева-весталка умышленно указала ему на него, как на подлинный), и, не найдя в нем ничего, он бросил его на землю и разбил на куски. Этим, однако, он не нанес никакого вреда религии, так как, говорят, было сделано много похожих один на другой сосудов для того, чтобы никто не мог когда-либо унести настоящий. Все же он унес какую-то статую, которую он принял за Палладий, и, связав ее золотыми цепями, поставил ее в храме своего бога.

7. Он принял затем посвящение в таинства Матери богов и совершил тавроболии, чтобы отнять ее лепное изображение и другие святыни, которые хранятся внутри святилища. Он тряс головой среди кастрированных извергов, подвизывал свои половые органы и делал все, что обычно делают галлы. Похищенную святыню богини он перенес во внутреннее хранилище своего бога. Жалобными криками и воем сирийского культа он изображал из себя Саламбо, тем самым давая себе знамение грозившей ему гибели. Всех

⁵³ Орк — римский бог смерти, заимствованный у этрусков.

богов он называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других — рабами, третьих — обслуживающими те или иные его нужды. Он хотел доставить камни, называемые божественными, из их собственного храма, а изображение Дианы Лаодикейской из ее святого святых, куда поставил его Орест...

8. Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать, — думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. При нем находились и ежедневно действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно обрядам своего племени.

Герметизм

«Поймандр».

1. Когда однажды случилось мне размышлять о сущностях и вознеслась чрезвычайно мысль моя, а телесные ощущения замерли, словно бы из-за пресыщения пищей или утомления тела, показалось мне, что явился некто неизмеримых, огромнейших размеров, назвавший меня по имени и сказавший мне: «Что желаешь ты услышать и увидеть, усвоить разумением и узнать?»

2. Я воскликнул: «Но кто же ты?» «Я, — сказал он, — Поймандр, Ум Всевластия. Знаю, чего ты желаешь, и повсюду пребываю с тобой.»

3. Я сказал: «Хочу изучить сущности, постичь их природу и познать Бога». И прибавил: «О, как же я желаю слушать!» Он ответил мне: «Храни в своем уме то, что ты хочешь изучить, а я тебя наставлю.»

4. Сказав это, он преобразился, и тотчас все в один миг открылось мне, и увидел я зрелище необъятное, и все стало светом, тихим и радостным, и, узревши, я возлюбил его. А вскоре опустилась ужасающая и грозная Тьма, возникшая своим чередом и свернувшаяся спиралью наподобие, как мне показалось, змеи. Затем Тьма превратилась в некую влажную природу, невообразимо сотрясающуюся, выделяющую дым, словно исходящий от огня, и испускающую некое невыразимо жалобное стенание. Затем из нее изошел нечленораздельный вопль наподобие голоса огня.

5. Отделившись от света... святое Слово объяло природу, и беспримесный огонь устремился из влажной природы ввысь; был же он сразу и легкий, и жгуч, и подвижен; а воздух, будучи невесомым, последовал за (огненным) дыханием, ибо вознесся от земли и воды к огню, так что, казалось, он подвешен к нему. Вода же и земля пребывали соединенными друг с другом, так что не разглядеть было земли из-под воды: они беспрерывно передвигались под действием дыхания Слова, вознесшегося над ними...

6. А Поймандр сказал мне: «Ты уразумел, что означает это зрелище?» «Я узнаю», — сказал я. Он же продолжил: «Свет этот — Я, Ум, твой Бог, который воссиял из Тьмы прежде влажной природы, а исходящее от Ума Светоносное Слово -это Сын Божий». «И что же?» -спросил я. «Усвой это следующим образом: то, что в тебе видит и слышит, — это Слово Господне, а Ум — Бог Отец (1). Они нераздельны, ибо их единение есть жизнь.» «Благодарю тебя», — воскликнул я. «Так восприми свет и познай это».

7. Сказав так, он долго смотрел на меня, так что я затрепетал из-за его вида. Он покачал головой, и я увидел в своем уме Свет, состоящий из бесчисленных Сил, ставший не имевшим границ космосом, и Огонь, который объяла Всемогущая Сила, и Он, ведомый Ею, обрел покой. И все это я, узрев, постиг мыслью благодаря слову Поймандра.

8. Поскольку я был ошеломлен, он снова обратился ко мне: «Ты видишь в уме архетипический образ, первоначально безграничного начала». Так сказал мне Поймандр. «Но откуда же возникли, — спросил я, — элементы природы?» Он ответил на это: «Из Воли Божьей, которая, восприв Слово и увидев совершенный космос, воспроизвела его, соделавшись космосом, составленным из ее собственных элементов и из ее творений -душ».

9. А Бог Ум (2), будучи мужеженщиной и являясь Жизнью и Светом, породил Словом другой Ум — Демиурга, который, будучи Богом огня и дыхания, сотворил семь управителей, охвативших чувственный мир своими круговращениями; а управление их именуется судьбою.

10. Тотчас же Слово Божье воспрянуло от падающих вниз элементов к области чистого творения природы и соединилось с Умом — Демиургом, ибо было единосущно ему, а падающие вниз элементы остались бессловесными, так что стали лишь материей.

11. А Ум — Демиург вместе со Словом, образовав орбиты и закружив их с грохотом, запустил круговращение созданных им тварей и оставил их вращаться от неопределенного начала до бесконечного конца, ибо начинается круговращение там, где заканчивается. И именно их круговращение, как пожелал того Ум, произвело из низших элементов бессловесных животных (ведь они не имели Слова), воздух же произвел пернатых, а влага — водоплавающих. Земля и вода отделились друг от друга, согласно желанию Ума, и земля выпустила из своих недр тех, кого она в себе заключала: четвероногих и пресмыкающихся, диких и домашних животных.

12. А Ум, Отец всех сущих, будучи Жизнью и Светом, породил Человека, подобного себе, и полюбил его как собственное дитя. Ведь был он прекрасен, являясь образом Отца; воистину Бог полюбил собственное подобие и передал ему все свои творения.

13. Увидев созданное в пламени Демиургом, Человек также пожелал творить и получил на это дозволение Отца. Оказавшись в демиургической сфе-

ре и обретя полную власть, он увидел творения брата (3), и они полюбили его, и каждый дал ему часть своего естества. Постигнув их сущность и приобщившись к их природе, он возжелал разорвать поверхность сфер и понять силу того, кто пребывает в огне.

14. И он, обладая всей властью над миром смертных, а также и бессловесных животных, выглянул за пределы сфер и, прорвав их поверхность, явил находящейся внизу природе прекрасное подобие Божие. Она же, увидев его, обладавшего неисчерпаемой красотой, всей энергией, полученной от управителей, и подобием Божьим, засмеялась, влюбившись в него, ибо увидела отражение прекрасного образа Человека в воде и тень его на земле. А он, узрев в ней собственное изображение, отраженное в воде, полюбил его и пожелал в него вселиться. Вместе с желанием явилась сила, и он вселился в бессловесное изображение. А природа, заполучив любимого, объяла его вся, и они соединились, ибо полюбили друг друга.

15. Именно поэтому из всех обитающих на земле живых существ человек двойствен: смертен благодаря телу, бессмертен же благодаря сущностному Человеку. Ведь будучи бессмертным и обладая властью над всеми, он претерпевает присущее смертным, подчиняясь судьбе. Находясь над поверхностью сфер, он стал рабом внутри сферы. Являясь мужеженственным, происходя от мужеженского Отца, будучи свободным от сна, он подчинен... (любви и сну? — текст испорчен, прим. перев.).

16. После этого я сказал: «О мой Ум! Ведь я тоже люблю Слово». Поймандр же сказал: «Вот тайна, сокрытая до сего дня. Ведь природа, соединившись с Человеком, породила чудеснейшее чудо. Поскольку Человек обладал естеством сообщества семи, состоящим, как я уже тебе говорил, из огня и дыхания/а природа не ждала, то она немедленно породила семь человек, соответствовавших естеством семи управителям, — муПосле этого я воскликнул: «О Поймандр! Огромным я сейчас томим нетерпением и желаю слушать. Не уклоняйся от рассказа». А Поймандр сказал: «Замолчи же! Ведь я не закончил и первой речи». «Молчу, молчу!» -ответил я.

17. И так, как я уже сказал, порождение первых семи человек произошло следующим образом: женским началом была земля, вода же — оплодотворяющим, от огня природа получила способность к созреванию, а от воздуха — дыхание; тела же она породила по образу Человека. А Человек из Жизни и Света превратился в душу и ум, из Жизни — душа, а из Света — ум. И все существа чувственного космоса пребывали так вплоть до конца периода и начала поколений.

18. Слушай же, наконец, ту речь, которую ты жаждешь услышать. По окончании периода по воле Божьей была разорвана всеобщая связь, ибо все животные, бывшие до тех пор мужеженщинами, были разделены, и Человек с ними, и одни из них стали мужского пола, другие -женского. А Бог тотчас

сказал в священном слове: «Плодитесь, плодитесь, и размножайтесь, умножаясь, вы все — созданные и сотворенные.

И пусть имеющий ум познает, что он бессмертен, что причина смерти — любовь. И пусть он постигнет все сущее» (4).

19. После того как Бог сказал это, провидение посредством судьбы и вращения сфер произвело брачные союзы и установило поколения, и стали размножаться все существа, каждое соответственно своему роду, и тот, кто познал самого себя, был призван к благому делу, а тот, кто лелеял тело, происшедшее из ошибки любви пребывал во Тьме, заблуждаясь и претерпевая то, что относится к смерти.

20. «Какое же огромное прегрешение, — спросил я, — совершили неведущие, чтобы лишиться бессмертия?» «Как видно, ты не обдумал то, что услышал, — ответил он. — Разве я не сказал, чтобы ты внимал?» «Я внимаю, вспоминаю, а также благодарю тебя». «Если ты внимаешь, ответь мне, за что достойны смерти пребывающие в смерти?» «Потому что тело каждого происходит из мрачной Тьмы, из которой проистекает и влажная природа, образующая в чувственном мире тело, питающее смерть».

21. «Ты правильно понял, — сказал он. — Но почему, как говорит слово Божье, «тот, кто познал самого себя, идет к себе?» « Я ответил: «Потому что из Света и Жизни состоит Отец всего сущего, от которого родился Человек». «Ты хорошо сказал. Бог Отец, от которого родился Человек, — это Свет и Жизнь. Если же ты научишься постигать себя в качестве Света и Жизни и поймешь, что из них ты состоишь, ты снова пойдешь к Жизни». Так сказал Поймандр. «Но скажи мне еще, — спросил я, — как я пойду к Жизни, о мой Ум? Ведь сказал Бог: «Пусть человек, имеющий ум, познает самого себя». «Разве не все люди имеют ум?».

22. «Молчи же, — сказал он. — Я, Ум, пребываю с набожными, благи-ми, чистыми, милосердными и благочестивыми, и мое присутствие становится подмогой; и они умилоостивят Отца любовью, как только познают все сущее, и отблагодарят Его надлежащим образом с любовью, молитвами и гимнами. И прежде чем предать тело смерти, которая ему присуща, они отвращаются от чувств, ибо знают дела их. Более того. Я, Ум, не дозволю, чтобы осуществлялись деяния, совершающиеся телом. Ибо, будучи привратником, я закрою вход дурным позорным деяниям, преградив путь разгоряченному воображению.

23. Я держусь поодаль от неразумных, злых, порочных, алчных, убийц, нечестивцев, уступая место мстительному демону, который жалит чувства подобного (человека? — текст испорчен, прим. перев.) огненным шипом, еще более подстрекая его на нечестивые поступки, дабы его постигло еще худшее возмездие. Такой человек не перестает направлять свое желание к поистине безмерным похотям, беспрестанно сражаясь во Тьме, и ... (текст

испорчен — прим. перев.) это мучит его и еще больше усиливает сжигающее его пламя».

24. «О, Ум, ты прекрасно разъяснил мне, что я хотел. Но расскажи мне также, как происходит восхождение». На это Поймандр сказал: «Прежде всего, когда распадается материальное тело, ты предаешь его изменению, а образ, который ты имел, становится невидимым. Ты отдаешь демону свой нрав, отныне бездействующий; телесные чувства возвращаются каждое соответственно к своему источнику, частью которого они становятся, и снова смешиваются с энергиями, а злоба и похоть отправляются к бессловесной природе.

25. Таким образом, оставшаяся часть человека устремляется вверх через все сферы и в первой из них оставляет способность увеличиваться и уменьшаться. Во второй — возможность творить зло и обман, отныне бессильные, в третьей — иллюзорное вожеление, отныне бессильное, в четвертой — проявление власти, лишившейся самонадеянности, в пятой — нечестивую дерзость и надменную наглость, в шестой — дурные дела богатства, отныне бессильного, и в седьмой зоне — расставляющую сети ложь.

26. И тогда, совлеки то, что произвело сообщество сфер (5), он входит в огдоадическую (б) природу, обладая лишь своей собственной силой, и поет вместе с сущностями гимны Отцу, и все радуются вместе с ним его прибытию. И уподобившись находящимся с ним, он слышит некие Силы, расположенные над огдоадической природой, которые поют чудесными голосами гимн Богу. И тогда они в определенном порядке поднимаются к Отцу, предаются Силам и, сами став Силами, входят в Бога. И таков благой конец обладающих знанием: обожение. И чего же ты еще медлишь? Почему, все получив от меня, не становишься наставником достойных, чтобы благодаря тебе род человеческий был бы спасен Богом?»

27. Сказав это, Поймандр при мне смешался с Силами. А я, возблагодарив и восхвалив Отца всего сущего, был отпущен им. Обретя силу и наставившись в природе всего и в высшем видении, я начал проповедовать людям красоту благочестия и знания: «Народы, рожденные на земле люди, предавшиеся опьянению, сну и незнанию Бога, отрезвитесь, перестаньте опьяняться, одурманившись бессмысленным сном!»

28. Они же, услышав меня, примкнули ко мне. И я им сказал: «Почему же, землю порожденные люди, предали вы смерти, имея силу причаститься бессмертию? Покайтесь, избравшие путь греха и объединенные невежеством. Освободитесь от Тьмы, причаститесь бессмертию, оставив путь гибели!»

29. Однако одни из них, поиздевавшись надо мной, отошли, ибо предали пути смерти, другие же, бросившись мне в ноги, умоляли их наставить. И я посеял в них слова мудрости, и они отведали амвросии. Когда же наступил вечер и луч солнца начал полностью исчезать, я призвал их возблагословить.

дарить Бога. Совершив благодарение, каждый из них заснул на своем ложе.

30. Я же запечатлел в себе благое дело Поймандра и возрадовался, наполнившись тем, чего желал. Ведь сон тела стал трезвением души, истинное видение явилось закрытым глазам, молчание оказалось чреватом благом, высказанные слова породили благие дела. И все это произошло со мной, потому что я получил от моего Ума, то есть от Поймандра, слово подлинного могущества. И я преисполнился божественной истины. И от всей души и всех сил я воспел хвалу Богу Отцу:

31. «Свят Бог, Отец всего сущего.

Свят Бог, чья воля свершается Его собственными Силами.

Свят Бог, желающий быть познанным
и познаваемый теми, кто Ему принадлежит.

Свят еси, Словом восставивший все сущее.

Свят еси, образом которого является вся природа.

Свят еси, которого природа не сформировала.

Свят еси, сильнейший всяческих сил.

Свят еси, лучший всех превосходств.

Свят еси, превышающий хвалы.

Прими, Невыразимый, Несказанный, именуемый в молчании, непорочную словесную жертву от обращенных к Тебе душ и сердец.

32. Умоляю Тебя, чтобы ничто не лишило меня знания, обретенного моей сущностью: удовлетвори меня и наполни меня силой. И я просветлю этой благодатью тех из рода моего, кто пребывает в невежестве, моих братьев, Твоих сыновей. Я верую и свидетельствую, что иду к Жизни и Свету. Благословен еси, Отче. Твой человек желает помочь Тебе в деле освящения, ибо Ты наделил его всей силой».

Культ Солнца

CIL VI, 721. Штаерман, 140

Солнцу, непобедимому богу, Атимет, раб наших двух Августов, письмоводитель Романийских имений.

Языческие реставрации (Максимин Даза, Юлиан, Евгений)

Письма Юлиана

*22 (39). Письмо Юлиана Арсакию, главному жрецу Галатии
(Созомен. Церковная история, V, 16)*

Причина того, что эллинская вера не имеет такого успеха, как этого хочется, — в нас, ее приверженцах: ибо боги посылают блестящие, великие

дары, превышающие любую нашу мольбу и любую надежду (да будет милостива к моим словам Адрастея). Ведь еще недавно никто не дерзал и молить о столь великой и всеобъемлющей перемене за столь короткий срок. И что же? Мы считаем, что этого достаточно, и не обращаем внимания на то, что безбожие возросло прежде всего из-за гуманности к странникам, заботы о погребении мертвых и показной святости жизни?! Я думаю, что и нам нужно заботиться обо всем этом. И недостаточно, чтобы ты один был таким, но такими должны быть вообще все галатийские жрецы; и ты стыди их и убеждай быть добросовестными или, если они не приходят к богам вместе с женами и детьми, и слугами, но допускают, чтобы их домашние или сыновья, или их галилейские жены были нечестивы и предпочитали безбожие богобоязненности, — отстраняй их от исполнения жреческих обязанностей. Кроме того, убеждай жрецов не посещать театра и не пить в харчевнях, и не заниматься каким-либо ремеслом или искусством позорным и постыдным; тех, кто следует твоим наставлениям, — почитай, а тех, кто противится, — изгоняй.

По всем городам устрой побольше странноприимных домов, чтобы странники пользовались нашей благотворительностью, и не только приверженцы нашей веры, но и каждый, кто будет испытывать нужду. Между тем я продумал и то, откуда ты получишь в изобилии средства для этого. Я приказал, чтобы по всей Галатии каждый год выдавалось 30 тыс. модиев хлеба и 60 тыс. кистов вина, причем из этого количества пятая часть будет расходоваться на бедняков, прислуживающих жрецам, а остальное должно раздаваться странникам и нищим. Ведь это позор, если никто из иудеев не просит милостыни, если нечестивые галилеяне кормят не только своих, но и наших, а наши лишены нашей же помощи. Поучай людей эллинской веры, чтобы они вносили свой вклад в это дело, чтобы эллинские села уделяли богам часть доходов, приучай эллинов к подобной благотворительности, объясняя им, что она издревле была у нас. Ведь Гомер вывел Эвмея так говорящим:

Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить, сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

И нехорошо нам, показывая образец другим, уступать им дорогу, а самим позориться от своей беспечности и, более того, лишать этим богов должного почтения. Если я узнаю, что ты проявляешь об этом заботу, я буду преисполнен радости.

Президов навешай в их домах редко, но пиши к ним почаще. Когда они вступают в город, пусть никто из жрецов не выходит к ним навстречу, но приветствуют их только тогда, когда они посещают храмы богов, да и то лишь в преддверии. И пусть ни один воин не входит впереди них в пределы храма, а кто хочет, пусть следует за ними. Ибо как только (презид) пересту-

пил порог храма, он становится частным лицом; ты и сам знаешь, что всем, что внутри храма, править ты — так требует божественный закон. И те, кто тебе повинуются — поистине богобоязненны, а те, кто упорствуют — честолюбцы и преисполнены пустого тщеславия.

Пессинунту я готов помочь, если только его жители вернут себе милость Матери Богов. Если же они будут пренебрегать ею, то не только не будут пред нами безупречны, но, как ни горько это говорить, пожалуй, изведуют нашу ненависть:

...Неприлично

Нам под защиту свою принимать человека, который

Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.

Итак, убеди их, что если они желают добиться моего попечения, они должны всем народом умолять Мать Богов.

44. Юлиан (Цезарь) Феодору, главному жрецу (89 а)

452 Я написал тебе письмо менее официальное, чем другим, ибо я думаю, что и у тебя ко мне дружеских чувств больше, чем у других. Ведь немаловажно то, что нас с тобой посвятил один и тот же человек, и ты, конечно, помнишь, что когда я еще жил на Западе (немало [b] времени тому назад), я узнал, что он высоко ценит тебя, и стал считать тебя другом. И, однако, из большой осторожности я обычно повторял про себя прекрасные слова: «Я никогда не встречал и не видел...» и еще что дружбе должно предшествовать знание, а знанию — опыт. Но немало значили для меня и эти слова: «Сам сказал». Поэтому и тогда я думал, что должен считать тебя среди своих [c] близких, и теперь я доверяю тебе дело, очень дорогое для меня, а для всех людей — в высшей степени полезное. Ты, как нужно надеяться, хорошо выполнишь его, а это и здесь порадует меня и даст добрую надежду на будущую жизнь. Ибо мы отнюдь не принадлежали к тем, [d] кто верит, что душа гибнет раньше тела или вместе с телом, и не верим никому из людей, но лишь богам, которые одни только, вероятно, имеют совершенное знание этого, если только можно про необходимое говорить «вероятно». Ведь людям надлежит предполагать о таких вещах, а боги должны иметь истинное знание.

Но что же я имею в виду, когда говорю, что даю тебе поручение? Чтобы ты управлял всеми храмами в Азии, надзирая за жрецами всех [453] городов и назначая каждому, что ему полагается. Обладающему такой властью надлежит иметь, прежде всего, снисходительность, а также доброту и благожелательность к тем, кто этого достоин; но каждого несправедливого к людям, нечестивого по отношению к богам и со всеми высокомерного жреца надлежит или поучать со всей прямоотой, или карать со всей суровостью.

Более полные предписания, которыми вообще нужно руководствоваться

в управлении всеми жрецами, а также все прочее ты очень [b] скоро узнаешь; пока же я только хочу сделать тебе несколько замечаний, и ты поступишь правильно, если послушаешься меня. Ведь я никогда не поступаю необдуманно в таких вопросах, как знают все боги, но осторожен, как никто другой, одним словом, — избегаю нововведений во всем, а особенно — в том, что касается богов, ибо знаю, что мы должны соблюдать издревле переданные нам отцовские обычаи, которые, как это ясно, дали боги. Ибо если бы эти законы [c] исходили просто от людей, они не были бы так прекрасны. А так как получилось, что они были в пренебрежении и подверглись порче, а богатство и роскошь взяли верх, то, по моему мнению, надлежит заботиться о том, чтобы они пребывали в их первоначальной чистоте.

Видя, что среди нас царит полное пренебрежение к богам и что всякое уважение к высшим силам изгнано грязной и вульгарной роскошью, я всегда наедине с собой оплакивал это. Ибо я видел, что [d] те, кто предан учению... (иудейской религии), столь пламенны в своей вере, что предпочитают умереть, чем отречься от нее, переносить всяческую нужду и голод, чем попробовать свинину или мясо удушенного или удушенного животного, а мы столь равнодушны к постановлениям, относящимся к почитанию богов, что привели в забвение отцовские обычаи, так что, наконец, даже забыли, было ли вообще когда-либо что-нибудь в этом роде постановлено. А они в [454] своем роде весьма благочестивы, ибо почитают... (бога), который воистину всемогущ и благ, и управляет чувственным миром, которому, как я прекрасно знаю, и мы поклоняемся, но под другими именами; по моему мнению, они поступают очень правильно, не преступая законов, и лишь в одном погрешают: в том, что, всеми силами стараясь угодить этому богу, они не почитают и других богов, но думают, что эти боги даны в удел лишь нам, «язычникам». До такого [b] безумия они дошли в своем варварском высокомерии! Нечестивые же галилеяне, как будто их какая-то болезнь...

45. Фрагмент письма к жрецу (89)

[288]... а если кто оказывает неповиновение, того они тотчас карают. Теми же, кто не чтит богов, овладевает племя злых демонов, и многие из безбожников, доведенные ими до безумия, ищут смерти, надеясь, [b] что полетят на небо, если насильственно оборвут свои жизни. И хотя человек по природе — существо общественное и цивилизованное, есть и такие, кто устремляется из городов в пустыни, ибо они находятся во власти злых демонов, влекущих их к такому человеконенавистничеству. А многие из них теперь изобрели еще и ношение оков и колодок — до того довел их злой демон, кому они по своей [c] доброй воле предали себя, отступив от вечных и спасительных богов. Но того, что я сказал об этом, — достаточно, и я вернусь к тому вопросу, от которого ушел в сторону.

Ясно, что правильное поведение в соответствии с законами государства будет предметом забот правителей городов, но, очевидно, и [289] вам надлежит увещевать людей не преступать священных законов богов. А так как жизнь жреца, естественно, достойнее общественной жизни, ты должен своими поучениями приводить людей к ней. И лучшие, вероятно, последуют твоим советам. Я же молюсь, чтобы им последовали все, и, во всяком случае, надеюсь, что им последуют от природы разумные и дельные люди: ведь они почувствуют, что твои слова близки им.

[b] Но всего больше должно проявлять человеколюбие, ибо из него исходит и много других благ, и лучшее и величайшее благо-благоволение богов. Рабы, которые разделяют дружбу, стремления и любовь своих господ, более любимы, чем другие рабы. Так же и нам следует знать, что божество, само любя людей, особенно милостиво к человеколюбивым. Человеколюбие же может заключаться во многом и разном. Оно проявляется и когда наказывают людей, щадя их, как [c] учителя наказывают детей, имея в виду исправление наказуемого, и когда заботятся о нуждах людей, как боги заботятся о наших нуждах. Посмотрите, сколько земных благ дали они нам — самую разнообразную пищу и так место, как они не дали всем остальным живым существам. И так как мы рождаемся на свет голыми, они защитили нас покровом из шерсти животных и того, что производят земля [d] и деревья. И дело не ограничилось тем, что просто люди сразу, как это говорит Моисей, получили от них покровы из кож; но посмотрите, сколько даров сделала нам Афина Эргана! А какое еще животное пользуется вином, какое — оливковым маслом, если только мы сами не уделяем им от этого (даже если мы ничего не уделяем людям)? Кто из обитателей моря пользуется хлебом, кто из наземных животных пользуется тем, что в море? И я не упомянул золото, медь и железо — великое богатство, обладателями которого сделали нас [290] боги, но не для того, чтобы мы — о позор! — не обращали внимания на бродящих среди нас нищих, а ведь среди них встречаются хорошие люди, например, те, кому не досталось никакого отцовского достояния и кто бедствует, пренебрегая деньгами по величину своей души.

Видя их, многие упрекают богов. Но не боги — виновники их бедности, а ненасытность нас, имущих, становится причиной [b] неверного мнения людей о богах и, кроме того, несправедливого упрека богам. Чего же нам просить? Чтобы боги послали беднякам, как родосцам, золотой дождь? Но если бы даже так и случилось, мы тотчас же послали бы своих слуг и расставили всюду сосуды, чтобы отогнать всех и нам одним захватить дары богов, предназначенные для всех. Да и удивительно будет, если мы будем просить о противоестественном [c] и совершенно бесполезном и не будем делать того, что в наших силах. Кто когда-нибудь стал бедным из-за того, что давал своим ближним?! Я сам, часто раздавая нуждающимся, снова получал

это от них в многократном размере, хотя я и никудышный делец, и никогда я не раскаивался в том, что отдал. О том, что сейчас, я, пожалуй, говорить не буду, ибо совершенно неразумно сравнивать расходы частного лица [d] с расходами царя. Но я отлично знаю, что когда я еще был частным лицом, со мною это случалось часто. Например, в совершенной неприкосновенности сохранилось для меня имение моей бабушки, которым насильно завладели другие, в то время как из того немногого, что я имел, я щедро раздавал нуждающимся.

Итак, мы должны делиться своим добром со всеми людьми и особенно щедро — с хорошими, а с нуждающимися и бедными — так, чтобы хватало для удовлетворения их нужд. И я бы сказал даже, хотя это и может показаться странным, что было бы благочестивым [291] делиться одеждой и пищей даже с враждебными людьми — ведь мы даем потому, что он — человек, а не за то, какой он человек. Поэтому я думаю, что и к тем, кто заключен в тюрьмах, нужно проявлять такую же заботу. Ибо подобное человеколюбие не мешает правосудию. А так как в тюрьме заключено много людей, ожидающих суда, и некоторые из них будут осуждены, а другие окажутся невиновными и будут освобождены, то будет жестоко, если, опасаясь, как бы не [b] оказать милости не только невинным, но и порочным, мы из-за порочных стали бы вести себя жестоко и бесчеловечно с теми, кто не сделал ничего дурного.

Вот что еще, по моему мнению, совершенно несправедливо: мы зовем Зевса покровителем гостеприимства, а сами менее гостеприимны, чем скифы! И как может тот, кто хочет принести жертву Зевсу Ксению, приближаться к храму, с какой совестью, если он забыл слова:

Зевс к нам приводит нищих и странников;
[c] Дар и убогий Зевсу угоден....?!

И как может тот, кто поклоняется Зевсу Гетайрию, видя, что его ближний нуждается в деньгах, не дать ему даже одной драхмы, но в то же время считать, что поклоняется богу правильно? И всякий раз, когда я вижу это, я прихожу в совершенное изумление: прозвания [d] богов для нас как бы образцы, запечатленные с начала мира, а сами мы на деле ни к чему подобному не стремимся! Мы называем богов Омогниями и Зевса — Зевсом Омогнием, а сами к родственникам относимся, как к совершенно чужим! Ведь каждый человек, желает он этого или не желает, — родственник другим людям независимо от того, от одного ли отца и одной матери, как говорят некоторые, [292] произошли все или каким-либо иным образом при создании мира боги сотворили не одного мужчину и одну женщину, а сразу много мужчин и много женщин. Ибо те, кто может сотворить двух человек, могут сотворить и сразу многих. Ведь тем же самым способом, каким они создали одного мужчину и одну женщину, они могли создать много мужчин и мно-

го женщин... если обратить внимание на различие нравов и законов, а еще более — на то, что выше, ценнее и святее, — на откровение богов, переданное нам древними теургами, [b] согласно которому, когда Зевс создавал миропорядок, упали капли священной крови и из них-то и возник человеческий род. Таким образом, все мы — родственники, произошло ли все множество людей обоих полов от одной пары — мужчины и женщины... (или) как говорят нам боги и как надлежит верить, исходя и из свидетельства фактов, — все произошло от богов. Те факты, которые [c] свидетельствуют, что сразу же появилось на свет много людей, я тщательно изложу в другом месте, а сейчас достаточно будет сказать только то, что если бы мы происходили от одной пары, вряд ли наши законы были бы столь различны, и вряд ли вся земля наполнилась бы людьми, происходящими от одного человека, даже если бы женщины, как свиньи, сразу же рожали своим мужьям много детей. На самом же деле по знаку, данному богами, сразу повсюду появилось множество людей, точно так же как появился бы один человек; и эти люди достались в удел богам, управляющим отдельными народами, [d] и те вырастили их, получив от демиурга извечно бывшие у него души. Необходимо также иметь в виду, сколько рассуждений было посвящено в древности раскрытию того, что человек — общественное животное. И вот, говоря и утверждая это, мы будем по отношению к своим ближним вести себя антиобщественно?!

Пусть каждый из нас исходит из таких нравов и обычаев — благоговения [293] к богам, благоволения к людям, телесной чистоты и пусть он преисполнится делами благочестия — стремится всегда иметь благочестивые мысли о богах, почтительно и набожно взирает на храмы и изображения богов и поклоняется им, как если бы видел перед собою самих богов. Ведь наши предки установили [b] изображения и алтари, и хранение вечного огня, и вообще все такого рода символы присутствия богов не для того, чтобы мы считали их божественными, но для того, чтобы посредством их мы поклонялись богам. Ибо нам, поскольку мы телесны, и богам надлежит поклоняться телесно, хотя сами боги — не телесны. И они явили [c] нам, прежде всего, — второй (после этого, первого) род богов-тех, кто обходит кругом все небо. Но поскольку и им нельзя воздавать служение телесно, так как по своей природе они ни в чем не нуждаются, то на земле был изобретен другой род изображений, и, совершая поклонение им, мы добиваемся благосклонности богов. Те, кто почитает изображения царей, которые не нуждаются ни в чем, тем [d] не менее привлекают к себе благосклонность, точно так же и те, кто почитает изображения богов, хотя боги ни в чем не нуждаются, тем не менее побуждают богов защищать их и заботиться о них. Стремление сделать все возможное есть свидетельство истинного благочестия, и ясно, что те, кто исполнен этим стремлением, обладают благочестием в выс-

шей степени. В то же время совершенно очевидно, что тот, кто пренебрегает возможным, делая вид, что стремится к невозможному, на самом деле и не старается достигнуть одного и не выполняет [264] другого. Ведь хотя бог ни в чем не нуждается, из этого не следует, что ему не нужно ничего принести. Ведь он не нуждается и в словесных восхвалениях. Так что же? Разумно ли лишать его их? Никоим образом! Мы не должны лишать божества и того деятельного почитания, которое установлено не три года тому назад и не три тысячи лет, а существовало все прежнее время у всех народов земли. [b c] Итак, взирая на изображения богов, не будем считать, что это просто дерево или камень, но не будем считать их и самими богами. Ведь мы не называем и изображения царей деревом, камнем или медью, и называем их не самими царями, но именно изображениями царей.

[d] И каждый, кто любит царя, с радостью взирает на изображение царя, как каждый, кто любит сына, — на изображение сына, а каждый, кто любит отца, — на изображение отца. Из этого следует, что каждый, кто любит богов, с радостью взирает на изображения и статуи богов, и почитая, и страшась богов, взирающих на него с незримого мира. И если кто думает, что раз уж они названы образами богов, им надлежит быть неуничтожимыми, он, по-моему, совершенно лишен здравого смысла — ведь в таком случае они должны быть созданы не руками человеческими. Но то, что создано мудрым и [295] прекрасным человеком, может быть уничтожено человеком дурным и темным. И лишь сотворенные самими богами живые образы их невидимых сущностей — боги, обходящие по кругу небо, пребывают вовеки. Итак, пусть никто не перестает верить в богов, видя и слыша, [b] как некоторые люди осквернили их храмы и изображения. Разве много раз не убивали прекрасных людей, таких, как Сократи Дион, и великий Эмпедотим? А я уверен, что боги заботились о них больше, (чем о храмах). Но смотрите: зная, что и у этих людей тело подвержено смерти, боги дали им подчиниться природе и уйти из жизни, но затем сами же наказали их убийц. Подобное же случилось и у нас на глазах со всеми осквернителями храмов.

И не дадим никому обмануть нас словами или поколебать нашу [c] веру в божественное провидение. Что скажут упрекающие нас в этом иудейские пророки о своем собственном храме, трижды разрушенном и до сих пор не восстановленном? Я сказал это не для того, чтобы бросить им упрек, — ибо я сам после столь долгого времени решил восстановить храм для почитания призывавшегося в нем ранее бога. Но я воспользовался этим примером, желая показать, [d] что ничто человеческое не может быть нетленным и что пророки, писавшие такие вещи, говорили вздор, рассчитанный на выживших из ума старух. Но я думаю, что если пророки и толкователи какого-либо бога были негодными, это не мешает ему быть великим богом. Причиной же этого было то, что они не дали своим душам очиститься общим

образованием и не открыли своих сильно сомкнутых глаз и [296] не разогнали окружающую их мглу. Но эти люди видели великий свет слово через туман, не четко и не ясно, и считали это не чистым светом, а огнем, и не будучи в состоянии различить все то, что вокруг него, они кричали громким голосом: «Трепещите! Страшиться! Огонь! Пламя! Смерть! Кинжал! Меч!», выражая столь многими словами разрушающую силу огня. Но о них лучше написать в особом [b] сочинении и показать, насколько эти учителя теологии ниже наших поэтов.

Надлежит поклоняться не только изображениям богов, но и храмам, и священным участкам, и алтарям; а также разумно почитать жрецов как служителей богов, так как они ради нас взяли на себя определенные обязанности по отношению к богам и содействуют [c] нам в получении благ от богов: ведь они совершают жертвоприношения и молятся за всех нас. И поэтому справедливо воздавать всем им почет не меньший, если не больший, чем гражданским властям. И если кто-нибудь и считает, что нужно уделять равный почет и им, и гражданским властям, ибо и те некоторым образом служат богам, будучи стражами законов, то все равно жрецам нужно уделять [d] большую долю нашего благоволения. Ведь ахеяне побудили своего царя уважать жреца, хотя тот и был врагом, а мы не уважаем наших друзей, которые молятся и приносят жертвы за нас.

Но так как моя речь дошла до того пункта, которого я давно хотел достичь, то, по моему мнению, надлежит подробно изложить, каким человеком должен быть сам жрец, чтобы быть достойным [297] почитания... По нашему мнению, не следует присматриваться к нему и исследовать его поведение; пока он именуется жрецом, его нужно уважать и почитать, а если он дурной человек, то надлежит отобрать у него жреческую должность и презирать его, как показавшего себя недостойным. Но пока он приносит жертвы, совершает обряды и близок к богам, мы должны смотреть на него с уважением, как на ценнейшую собственность богов. Ведь если мы почитаем камни, из которых сделаны алтари, потому что они посвящены богам и [b] имеют особый вид и форму, которая им полагается для той службы, для которой они предназначены, то разве логично будет отказываться почитать человека, посвященного богам? Но, может быть, кто-нибудь возразит: «Но если он нечестив и часто с пренебрежением относится к посвященным богам обрядам?». На это я отвечу, что нужно такого разоблачить, чтобы он как плохой человек не вызывал недовольства богов; но пока он не разоблачен, нельзя ему отказать в уважении. И было бы несправедливо дойти до того, что лишить надлежащего [c] уважения не только виновных, но и тех, кто достоин почитания. И, таким образом, пусть уважаются как любой правитель, так и любой жрец, ведь есть еще такой оракул дидимейского бога:

Тем, кто в своем печестивом и жалком умишке
Вред причинять жрецам бессмертных богов замышляет,
[d] И в своих мыслях безбожных им оскорбление наносит, -
Жизненный путь пройти до конца не удастся.
Так же и тем, кто богов дерзает бесчестить блаженных,
Честь служенья кому они получили от предков.

[298] И снова в другом оракуле бог говорит:

Всех моих слуг ото всякого зла...

И говорит, что за них он покарает таких людей. И хотя бог вещал много такого, из чего мы можем научиться, как должно почитать и уважать жрецов, более подробно мы скажем об этом в другом месте. А сейчас, я думаю, в доказательство того, что я ничего не выдумываю сам, достаточно привести речение бога и его [b] повеление, выраженное его собственными словами. И если кто-нибудь считает, что я — недостойный веры учитель в таких вопросах, пусть он побоится бога и повинуется ему и особенно чтит жрецов богов.

А сейчас я попытаюсь описать, каким должен быть жрец, — не ради [c] тебя (ибо, если бы я уже не знал и из свидетельства посвятившего нас и от великих богов, что ты хорошо исполняешь свою должность и делаешь все от тебя зависящее, я не решился бы поручить тебе столь важное дело), но чтобы ты, пользуясь этим, мог направлять других, и не только в городах, но и в селах, с большей убедительностью и авторитетом — ибо не только ты один сам так думаешь и делаешь, но [d] твой помощник — я, считающийся по милости богов великим понтификом, и хотя я и недостойн такой должности, я хочу быть ее достойным и всегда молюсь об этом богам. Ведь боги, ты прекрасно знаешь это, возвещают нам великие надежды на загробную жизнь, и им нужно во всем верить. Им несвойственно лгать, и не только в таких делах, но и в том, что касается этой жизни. А так как и в этой жизни [299] они в величии своей силы могут преодолевать и исправлять неправильное и неестественное, то в той жизни, где враждующие здесь силы будут разделены и бессмертная душа отойдет в иной мир, а мертвое тело останется на земле, разве они не будут тем более способны доставить людям то, о чем они возвещали!? Итак, зная, что боги обещали [b] жрецам великую награду, давайте сделаем так, чтобы они были ответственны за все, что касается почитания богов, и своей жизнью являли пример всех тех добродетелей, которые они должны проповедовать.

И первое, с чего нам нужно начать, — это благочестие. Мы должны служить богам так, как если бы они были рядом и смотрели на нас, [c] ибо, хотя они и невидимы нами, их взор — более сильный, чем любой свет, — может проникать даже в наши тайные помыслы. И это не только мои слова, но слова бога, которые он говорил много раз. Но мне, конечно, достаточно приве-

сти одно такое изречение и с его помощью показать верность двух положений: что боги видят все и что они радуются благочестивым людям:

Стрелы далеко разящие Феба проникнут повсюду -
[d] Даже и твердые скалы взор его быстрый пронзает,
И темно-синее море. Нет, от него не сокрыто
Множество звезд, в непрерывном и вечном вращенье бредущих
В небе вечернем, по мудрым законам судьбы неизбежной,
Ни те страдалцы, что в мрачном Тартаре навеки сокрыты,
В царстве подземном, в страшной обители вечного мрака,
Благочестивым же людям радуюсь я, как Олимпу.

Очевидно, что насколько всякая душа, и особенно душа человека, ближе и родственнее богам, чем камень или скала, настолько проще и легче может проникнуть в нее взор богов. Посмотри на человеколюбие [b] бога, говорящего, что он радуется образу мыслей благочестивых людей, так же как чистоте Олимпа. Как же может быть, чтобы он не увел наши души от мрака и Тартара, если только мы обращаемся к нему с благочестием? Конечно, ему известно, кто заключен в [c] Тартаре (ведь и эта область не вне власти богов), и он обещает благочестивым не Тартар, а Олимп. И посему нам нужно крепко придерживаться дел благочестия и обращаться к богам с благоговением, не говоря и не слушая ничего постыдного.

А жрецам нужно сохранять себя не только от нечестивых дел и позорных поступков, но и от произнесения или слушания такого рода речей. Итак, нам нужно изгнать все неприятные шуточки, все постыдные разговоры. И чтобы ты понял, что я хочу сказать, добавлю: пусть [d] ни один посвященный в жрецы не читает ни Архилоха, ни Гиппонакта, ни какого-либо другого поэта, писавшего такого рода стихи. Пусть он избегает и того, что есть в этом роде в древней комедии, — так будет лучше. И вообще нам приличествует лишь философия... и из философов — лишь те, кто избрал богов в наставники своего образования: как Пифагор, Платон, Аристотель, последователи Хрисиппа [301] и Зенона. Ведь мы должны заниматься не всеми философами и всеми учениями, но лишь теми учениями тех философов, которые суть наставления в благочестии и учат о богах, прежде всего — о том, что боги существуют, затем — что их промыслу подвластны дела этого мира и что они не делают ничего дурного ни людям, ни друг другу ни из зависти, ни из доброжелательства, ни из вражды — ведь писавшие об этом наши поэты из-за этого самого навлекли на себя презрение, а иудейские пророки, прилагавшие усилия в изобретении [b] подобных историй, приводят в восхищение тех жалких людей, кто присоединился к галилеянам.

Читать написанное о действительно происшедших событиях нам не возбраняется, но необходимо избегать всех тех выдумок, которые распространялись у древних в виде рассказов, — и вообще всего в этом роде. Ибо как

не каждый путь подходит посвященному [с] в жрецы — его путь должен быть устроен надлежащим образом, так же ему подобает и не всякий род чтения. Ведь под влиянием слов в душе возникает определенное настроение и оно понемногу возбуждает желания, а затем внезапно зажигает страшное пламя, и, по моему мнению, нужно заранее не давать ему возникнуть. Нельзя допустить чтение и сочинений Эпикура и Пиррона. Впрочем, боги сами к нашему благу уничтожили их, так что большая часть книг [d] погибла. Однако ничто не мешает мне упомянуть и о них, как о примере того, какого рода чтения следует больше всего избегать жрецам, а если нужно избегать такого чтения, то тем более — таких мыслей. Ведь я не думаю, что прегрешение в словах и прегрешение в мыслях — одно и то же, по прежде всего нужно исправить мысли, ибо прегрешения языка зависят от них.

Нужно заучивать гимны богам — ведь есть много прекрасных гимнов, составленных как древними, так и современными [302] авторами, — никто не мешает стараться узнать те, что поют в храмах. Большинство их дано по нашим молениям самими богами, но некоторые созданы во славу богов и людьми, находящимися под влиянием божественного вдохновения и обладающими душой, недоступной ни для какого зла.

Все это необходимо ревностно соблюдать и почаще молиться [b] богам и на людях и наедине — три раза в день, а если это невозможно, то, во всяком случае, утром и вечером. И не должно быть, чтобы посвященный жрец провел день или ночь, не принеся жертвы. Но и день — с восхода солнца, и ночь — с захода — должно начинать с принесения жертвы богам — даже тогда, когда на нас и не возложены жреческие обязанности. Ибо нам надлежит хранить те священные обряды, которые установлены законом предков, и делать не больше и не меньше того, что предписано. Ведь природа богов — бессмертна, и чтобы мы больше могли умиловить их, нам нужно подражать их природе.

[с] Если бы мы состояли из одних душ и нам ни в чем не мешало бы наше тело, было бы прекрасно установить для всех жрецов один образ жизни. Но так как жрецы не только жрецы, но и люди... И жрецу надлежит строго соблюдать во время исполнения своих обязанностей все правила, но ему же, как человеку, получившему жреческую должность, когда он не занят непосредственно служением в храме, надлежит сделать некоторые уступки, [d] Я думаю, что он должен сохранять чистоту в течение дня и ночи и затем очиститься на следующую ночь теми очистительными обрядами, которые предписаны священными законами, и, совершив это, он должен войти в храм и оставаться там столько дней, сколько полагается по закону (у нас, в Риме, — 30, у других — иначе). И я думаю, что ему надлежит в течение всех этих дней оставаться в священном [303] месте, занимаясь философией, и не выходить ни домой, ни на площадь и не видеть магистрата,

если только он сам не будет в святилищах, но заботиться обо всем, что касается служения богам, наблюдая за всем и все устраивая, а когда его срок истечет, он должен уступить свои обязанности другому. Когда же он снова обратится к обычной человеческой жизни, пусть ему будет дозволено войти в дом к другу и, когда его пригласят, посетить пир, — но по приглашению не любого человека, а только лучших. В это время не будет [b] неприлично сходить иногда и на площадь и побеседовать с начальником или магистратом и, насколько это возможно, прийти на помощь тому, кто действительно в ней нуждается.

И я думаю, что жрецам, когда они находятся внутри храмов и исполняют обряды, надлежит пользоваться самыми великолепными одеждами, а когда они вне святилищ — обычной одеждой, без всякой пышности. Ибо не годится, чтобы мы неправильно пользовались для похвальбы и из пустого тщеславия тем, что дано нам для оказания почести богам. Поэтому на площади нам следует избегать пышных [c] одежд и всего показного и вообще всякой похвальбы. В самом деле, ведь боги были восхищены великой скромностью Амфиарая: когда они предрешили гибель войска, он узнал об этом, но пошел в поход вместе с войском и тем самым обрек себя на неизбежную гибель; тогда боги полностью преобразовали природу Амфиарая и поместили [d] его среди богов. Все, кто шел походом на Фивы, еще до победы начертили на своих щитах эмблемы и воздвигли трофеи в знак поражения кадмейцев, а он, ученик богов, пошел на войну с оружием без эмблемы, но с кротостью и скромностью, как засвидетельствовали даже враги. Посему я думаю, что и нам, жрецам..., чтобы завоевать расположение богов. Ведь мы немало грешим против них, щеголяя [304] перед народом в священных одеждах, как бы превращая их в общую собственность и давая глазеть на них как па что-то чудесное. Когда это случается, к нам подходят многие нечестивые и от этого символы богов оскверняются. Но какое мы проявляем беззаконие, какое презрение к богам, если, не живя жреческой жизнью, носим одежды [b] жрецов! Однако подробно об этом будет сказано в другом месте, сейчас же я говорю тебе об этом лишь в самых общих чертах.

Ни одному жрецу не дозволяется присутствовать ни на одном непристойном театральном представлении... или устраивать его в своем собственном доме. Это совершенно не годится. В самом деле, если бы можно было вообще изгнать непристойность из театров, чтобы снова вернуть их Дионису уже очищенными, я бы со всей энергией постарался провести это в жизнь. Сейчас же, я полагаю, это [c] невозможно, а если бы это вдруг оказалось возможным, то провести это в жизнь было бы слишком сложно; поэтому я полностью воздерживаюсь от такого честолюбивого дела. Но я требую, чтобы жрецы воздержались от непристойности театров и оставили бы ее толпе. Итак, пусть ни один жрец не входит в театр и не имеет другом ни

одного актера или возницу, и пусть ни один танцор или мим не входят в его дом. Я позволяю жрецам посещать лишь те священные [d] игры, где женщинам запрещено не только участвовать в состязании, но и быть зрителями. Что касается псовых охот, которые города устраивают в своих театрах, нужно ли говорить, что их должны избегать не только жрецы, но и дети жрецов?

Может быть, было бы хорошо сказать раньше, кого и каким образом нужно назначать жрецами. Ноне будет неуместно, если именно этим я закончу свою речь. Я говорю, что во всех городах нужно [305] назначать самых лучших и прежде всего самых боголюбивых, а затем самых человеколюбивых, бедные они или богатые. И пусть в этом не делается никакого различия между известными и неизвестными. Ведь не годится препятствовать тому, кто по своей кротости жил скрытно только из-за того, что он не приобрел славы. Допустим даже, что он бедняк и человек из народа, но если в нем есть два качества — любовь к богу и любовь к людям, пусть он будет назначен [b] жрецом. Доказательством любви к божеству служит то, что он привел всех своих домашних к вере богов, а доказательством любви к людям — то, что из своего скудного имущества он легко делится с нуждающимися и охотно раздает им, и старается делать добро стольким людям, скольким он в силах. А этому нам надлежит уделить особое внимание и использовать как лечение людей. По-моему, получилось так, что когда пренебрегали бедняками и не заботились о них, нечестивые [c] галилеяне, заметив это, посвятили себя филантропии и, приобретая этим славу, придали силу худшему из своих дел. Ибо, как те, кто обманывает детей, привлекая их пирогом и два-три раза бросив им кусочек, уговаривают их идти за ними, а затем, когда они уже далеко от своих домашних, бросают их на корабль, а затем и продают, и то, что короткое время казалось сладким, делает горькой [d] всю их будущую жизнь, так и галилеяне, начав с того, что называется у них агапе и гостеприимством и служением за столом (ибо как много у них средств для этого, так много у них и названий), — привели многих к безбожию и сделали...

Список литературы

Источники

- Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 2000.
- Античные гимны. М., 1988.
- Антология кинизма / Сост. И. М. Нахов. М., 1984.
- Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1960.
- Артемидор. Онейрокритика (Сонник). СПб., 1999.
- Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С. Шервинского и С. Ошерева. М., 1979.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура. М., 1992.
- Гелиодор. Эфиопика / Пер. А. Егунова. М., 1965.
- Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Пер. К. Богущкого. Киев-Москва, 1998.
- Геродиан. История / Пер. А. И. Доватура. М., 1996.
- Геродот. История в 9 книгах / Пер. Г. А. Страгановского. Л., 1972. (М., 1993).
- Гигин. Мифы / Пер. Д. О. Торшилова. СПб., 2000.
- Гораций, Квинт Флакк. Оды, Эподы, Сатиры, Послания. М., 1970.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1986.
- Евнапий. Жизнеописания софистов / Пер. Е. В. Дарк и М. Л. Хорькова // Римские историки IV века. М., 1997.
- Книги Сивилл / Пер. М. и В. Витковских. М., 1996.
- Корнут. Греческое богословие / Пер. М. М. Позднева. СПб., 1999.
- Ливий, Тит. История Рима от основания города / Под общ. ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1-3. М., 1989-1993.
- Лукиан. Сочинения / Под общ. ред. А. И. Зайцева. Т. 1—2. СПб., 2001.
- Марк Аврелий Антонин. Размышления / Пер. А. К. Гаврилова. СПб., 1993.
- Марк Манилий. Астрономика. Наука о гороскопах / Пер., вст. статья и комментарии Е.М. Штаерман. М., 1993.
- Овидий. Сочинения. Т. I-II. СПб., 2000.
- Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. Т. I-II. СПб., 1996.
- Памятники поздней античной поэзии и прозы / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1964.
- Письма Плиния Младшего / Пер. с лат. А. И. Доватура, М. Е. Сергеенко и др. Изд. 2е. М., 1984.
- Платон. Сочинения / Под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т.1-4. М., 1990-1996.

- Плотин. Эннеады. Т. I—VII. СПб., 2004-2005.
- Плотин. Трактаты I—XI / Изд. подг. Ю.А. Шичалин. М., 2007.
- Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996.
- Плутарх. Сочинения. М., 1983.
- Поздняя греческая проза. М., 1960.
- Прокл. Первоосновы теологии / Пер. А. Ф. Лосева. М., 1993.
- Римская сатира. М., 1989.
- Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990.
- Секст Эмпирик. Сочинения. Т. 1-2. М., 1975.
- Сенека. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова. М., 1977.
- Сенека. Философские трактаты. СПб., 2001.
- Тацит, Корнелий. Сочинения / Пер. А. С. Бобовича и Г. С. Кнабе. Т. I-II. М., 1993.
- Шабага И. Ю. Славься, император. Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.
- Учебники платоновской философии / Сост. Ю. А. Шичалин. М.-Томск, 1995.
- Флавий Филострат. Жизни софистов / Пер. Е. Г. Рабинович. М., 2017.
- Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Пер. Е. Г. Рабинович. М., 1985.
- Фрагменты ранних стоиков / Сост. и пер. А. А. Столярова. Т. I-III. М., 1998-2008.
- Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. М., 1989.
- Цицерон. Философские трактаты / Сост. Г. Г. Майоров. М., 1985.
- Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / Пер. С. И. Межеричкой. М., 2006.
- Эллинские поэты VII-III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1999.
- Эпиктет. Беседы / Пер. Г. А. Тароняна. М., 1997.
- Эпиктет. Руководство / Пер. А. Я. Тыжова // Мнемон. Исследования и публикации по античной истории / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 6. СПб., 2007. С. 515-532.
- Юлиан. Юлиан. Письма / Пер. Д.Е. Фурмана // ВДИ. 1970, № 1-3.
- Юлиан, император. Трактаты. СПб., 2006.
- Ямвлих Халкидский. Комментарии на диалоги Платона / пер. Р. В. Светлова. СПб., 2000
- Ямвлих Халкидский. О жизни Пифагора / Пер. В.Б. Черниговского. М., 1997.
- Ямвлих. О египетских мистериях / Пер. Л. Ю. Лукомского. М., 1995.

Исследования

Белоусов А. В. Греческая и римская религия новозаветной эпохи. М., 2019.

Белоусов А. В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлония» и «Героика». М., 2012.

Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Т. I. Пг., 1916.

«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М., СПб., 2016.

Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // ВДИ. 2004. № 1. С. 125-157.

Буассье Г. Римская религия. Во времена Августа. М., 2018.

Буассье Г. Римская религия. Во времена Антонинов. М., 2018.

Вернан Ж.-П. Вселенная, боги, люди / Пер. М. Архангельской. М., 2005.

Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв. М., 1977.

Голубцова Е. С. Мироззрение горожанина и крестьянина Малой Азии // Культура Древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 303-356.

Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. М., 2000.

Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003.

Желтова Е. В. Античная традиция о персидских магах. СПб., 2011.

Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней / Отв. ред. Л. И. Акимова. М., 2000.

Жмудь Л.Я. Орфический папирус из Дервени // ВДИ. 1983. № 2. С. 118-139.

Жреческие коллегии в раннем Риме. М., 2001.

Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. СПб., 2004.

Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Тт. 1—6. СПб., 2014—2019.

Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями. Харьков, 1918.

Квашнин В. А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III—II вв. до н. э.). Вологда, 2006.

Кереньи К. Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни. М., 2007.

Кереньи К. Мифология / Пер. Ю. Гусев. М., 2012.

Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000.

Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 2005.

Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. СПб., 2000.

Коуэл Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура / Пер. О. Д. Сидоровой. М., 2006.

Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.). СПб., 2001.

Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / Пер. А. П. Саниной. СПб., 2002.

Кюмон Ф. Мистерии Митры / Пер. С. О. Цветковой. СПб., 2000.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Т. 2. СПб., 1997.

Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Пер. с англ. Н. П. Гринцера. М., 2002.

Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887.

Новосадский Н. И. Культ Кавиров в древней Греции. Варшава, 1891.

Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии: исследование в области древнегреческих мистических культов. 2 изд. М., 2011.

Нок А.Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина. СПб., 2011.

Петров А.В. Феномен теургии. Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб., 2003.

Рабинович Е. Г. Мифотворчество классической древности: *Nummi Nometici*. Мифологические очерки. СПб., 2007.

Ревиль Ж. Религия в Риме при Северах. М., 1898.

Русяева Л.С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87-104.

Русяева Л.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Свенцицкая И. С. Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях римской империи (II-III вв.): язычество и христианство // ВДИ. 1992. № 2. С. 54-71.

Свенцицкая И. С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I-II вв. н.э. // ВДИ. 1981. №4. С. 34-51.

Сидорович О. В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.

Сморчков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.

Соловьянов Н. И. Римское религиозное сознание и его отражение в пантоне армии в I—III вв. Красноярск, 2007.

Турцевич И. Г. Культ Весты в Древнем Риме. 2 изд. М., 2015.

Фестюжьер А. Ж. Личная религия греков. СПб., 2000.

Хлебников Г. В. Античная философская теология. М., 2007.

Ходза Е.И. Изображение дионисийских мистерий в римском искусстве // ВДИ. 1974. № 3. С. 93-106.

Циркин Ю. Б. Религия и мифология Древнего Средиземноморья. СПб., 2014.

Чудеса и оракулы в эпоху древности и средневековья / Отв. ред. с. В. Архипова. М., 2007.

Штаерман Е. М. От религии общины к миовой религии // Культура Древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 106-209.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.

Шайд Д. Религия римлян. М., 2006.

Шайд Д. Римская религия и духовность // ВДИ. 2002, № 3.

Содержание

Введение	3
Кульτ императора	5
Мистериальные и восточные культы	
Мистерии	14
Египетские культы (Исида и Серапис)	22
Сирийские божества (Атаргатис)	30
Фригийские божества (Кибела и Аттис)	32
Митраизм	39
Отношение к восточным культам в Риме	42
Религия женщин	48
Религия низших классов и повседневная религиозность	51
Новые культы	54
Основные тенденции в религиозности II-III вв.	60
Языческие реставрации (Максимин Даза, Юлиан, Евгений)	69
Список литературы	83